

Аннотация

Надоело быть человеком! В школе двоек получать нельзя, уроки прогуливать нельзя, драться нельзя. А что же можно-то?! Всегда учить уроки, быть примерным, быть трудолюбивым...

Какая скука!

“А давай попробуем превратиться в каких-нибудь птиц или насекомых! Поживём в своё удовольствие!” – решили друзья-школьники Юра Баранкин и Костя Малинин.

И как вы думаете, хорошая жизнь стала у этих мальчишек? Ответ найдёте в книге, которая перед вами.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ БАРАНКИН, К ДОСКЕ!

**ВАЛЕРИЙ
МЕДВЕДЕВ**

РИСУНКИ Г. ВАЛЬКА

СОБЫТИЕ ПЕРВОЕ

Две двойки!

Если бы я и Костя Малинин не умудрились получить две двойки по геометрии в самом начале учебного года, то, может быть, ничего такого невероятного и фантастического в нашей жизни не приключилось бы, но двойки мы схлопотали, и поэтому на следующий день с нами случилось что-то невероятное, фантастическое и даже, можно сказать, сверхъестественное!..

На перемене, сразу же после этого злополучного события, Зинка Фокина, староста нашего класса, подошла к нам и сказала: «Ой, Баранкин и Малинин! Ой, какой позор! На всю школу позор!» Потом она собрала вокруг себя девчонок и стала с ними, судя по всему, составлять против нас с Костей какой-то заговор. Сопровождение продолжалось всю перемену, пока не прозвенел звонок к следующему уроку.

За это же время Алик Новиков, специальный фотокорреспондент нашей стенгазеты, сфотографировал нас с Костей и со словами: «Двойка скачет! Двойка мчится!», прилепил наши физиономии к газете, в разделе «Юмор и сатира».

После этого Эра Кузякина, главный редактор стенгазеты, посмотрела на нас уничтожающим взглядом и прошипела: «Эх, вы! Такую газету испортили!»

Газета, которую, по словам Кузякиной, испортили мы с Костей, выглядела действительно красиво. Она была вся раскрашена разноцветными красками, на самом видном месте от края до края был выведен яркими буквами лозунг: «Учиться только на «хорошо» и «отлично!»

Честно говоря, наши мрачные физиономии типичных двоечников действительно как-то не вязались с её нарядным и праздничным видом. Я даже не выдержал и послал Кузякиной записку следующего содержания:

«Кузякина! Предлагаю снять наши карточки, чтобы газета была опять красивой!»

Слово «красивой» я подчеркнул двумя жирными линиями, но Эрка только передёрнула плечами и даже не посмотрела в мою сторону...

СОБЫТИЕ ВТОРОЕ

Не дают даже опомниться...

Как только прозвенел звонок с последнего урока, все ребята гурьбой ринулись к дверям. Я уже собирался толкнуть дверь плечом, но Эрка Кузякина успела каким-то образом встать на моём пути.

– Не расходиться! Не расходиться! Будет общее собрание! – закричала она и добавила ехидным тоном:

– Посвящённое Баранкину и Малинину!

– И никакого не собрания, – крикнула Зинка Фокина, – а разговор! Очень серьёзный разговор!.. Садитесь на места!..

Что здесь началось! Все ребята стали возмущаться, хлопать партами, ругать нас с Костей

и кричать, что они ни за что не останутся. Мы с Костей вопили, конечно, больше всех. Это ещё что за порядки? Не успели, можно сказать, получить двойки, и на тебе – сразу же общее собрание, ну, не собрание, так «серьёзный разговор»... Ещё неизвестно, что хуже. В прошлом учебном году этого не было. То есть двойки у нас с Костей и в прошлом году тоже были, но никто не устраивал из этого никакого пожара. Прорабатывали, конечно, но не так, не сразу... Давали, как говорится, опомниться... Пока такие мысли мелькали у меня в голове, староста нашего класса Фокина и главный редактор стенгазеты Кузякина успели «подавить бунт» и заставили всех ребят сесть на свои места. Когда шум постепенно затих и в классе наступила относительная тишина, Зинка Фокина сразу же начала собрание, то есть «серьёзный разговор», посвящённый мне и моему лучшему другу Косте Малинину.

Мне, конечно, очень неприятно вспоминать, что говорили о нас с Костей Зинка Фокина и остальные наши товарищи на том собрании, и, несмотря на это, я расскажу все так, как было на самом деле, не искажая ни одного слова и ничего не прибавляя от себя...

СОБЫТИЕ ТРЕТЬЕ Как в опере получается...

Когда все расселись и в классе наступила тишина, Зинка Фокина закричала:

– Ой, ребята! Это просто какое-то несчастье! Новый учебный год ещё не успел начаться, а Баранкин и Малинин уже успели получить две двойки!..

В классе снова сразу же поднялся ужасный шум, но отдельные выкрики, конечно, можно было разобрать.

– В таких условиях я отказываюсь быть главным редактором стенгазеты! (Это сказала Эра Кузякина.) – А ещё слово давали, что исправятся! (Мишка Яковлев.) – Трутни несчастные! В прошлом году с ними нянчились, и опять все сначала! (Алик Новиков.) – Вызвать родителей! (Нина Семёнова.) – Только класс наш позорят! (Ирка Пухова.) – Решили все заниматься на «хорошо» и «отлично», и вот вам, пожалуйста! (Элла Синицына.) – Позор Баранкину и Малинину!! (Нинка и Ирка вместе.) – Да выгнать их из нашей школы, и все!!! (Эрка Кузякина.) «Ладно, Эрка, я тебе припомню эту фразу».

После этих слов все заорали в один голос, да так громко, что нам с Костей уже совершенно было невозможно разобрать, кто и что о нас думает, хотя из отдельных слов можно было уловить, что мы с Костей Малининым – оболтусы, тунеядцы, трутни! Ещё раз оболтусы, лоботрясы, эгоисты! И так далее! И тому подобное!..

Меня и Костю больше всего разозлило, что громче всех орал Венька Смирнов. Уж чья бы корова, как говорится, мычала, а его бы молчала. У этого Веньки успеваемость в прошлом году была ещё хуже, чем у нас с Костей. Поэтому я не выдержал и тоже закричал.

– Рыжий, – закричал я на Веньку Смирнова, – а ты-то чего орёшь громче всех? Если бы первым вызвали тебя к доске, ты бы не двойку, а единицу схлопотал! Так что молчи в тряпочку.

– Эх ты, Баранкин, – заорал на меня Венька Смирнов, – я же не против тебя, я за тебя ору! Я что хочу сказать, ребята!.. Я говорю: нельзя после каникул так сразу вызывать к доске. Надо, чтобы мы сначала пришли в себя после каникул...

– Смирнов! – крикнула на Веньку Зинка Фокина.

– И вообще, – продолжал кричать на весь класс Венька, – предлагаю, чтобы в течение первого месяца никому не задавали никаких вопросов и вообще не вызывали к доске!..

– Так ты эти слова ори отдельно, – крикнул я Веньке, – а не со всеми вместе!..

Здесь опять все ребята закричали в один голос, и так громко, что уже нельзя было разобрать ни одного слова.

– Ой, тише, ребята, – сказала Фокина, – замолчите! Пусть говорит Баранкин!

– А что говорить? – сказал я. – Мы с Костей не виноваты, что Михаил Михалыч в этом учебном году вызвал нас к доске первыми. Спросил бы сначала кого-нибудь из отличников, например Мишку Яковлева, и всё началось бы с пятёрки...

Все стали шуметь и смеяться, а Фокина сказала:

– Ты бы, Баранкин, лучше не острил, а брал пример с Миши Яковлева.

– Подумаешь, пример-министр! – сказал я не очень громко, но так, чтобы все слышали.

Ребята опять засмеялись. Зинка Фокина заойкала, а Эрка покачала головой, как большая, и сказала:

– Баранкин! Ты лучше скажи, когда вы с Малининым исправите свои двойки?

– Малинин! – сказал я Косте. – Разъясни...

– Чего вы орёте? – сказал Малинин. – Исправим мы двойки...

– Когда?

- Юра, когда мы исправим двойки? – спросил меня Костя Малинин.
- А ты, Малинин, своей головы на плечах не имеешь? – закричала Кузякина.
- В четверти исправим, – сказал я твёрдым голосом, чтобы внести окончательную ясность в этот вопрос.
- Ребята! Это что же получается? Значит, наш класс должен всю четверть переживать эти несчастные двойки!
- Баранкин! – сказала Зинка Фокина. – Класс постановил, чтобы вы исправили двойки завтра!
- Извините, пожалуйста! – возмутился я. – Завтра воскресенье!
- Ничего, позанимайтесь! (Миша Яковлев.) – Так им и надо! (Алик Новиков.) – Привязать их верёвками к партам! (Эрка Кузякина.) – А если мы не понимаем с Костей решение задачи? (Это сказал уже я.) – А я вам объясню! (Миша Яковлев.) Мы с Костей переглянулись и ничего не сказали.
- Молчание – знак согласия! – сказала Зинка Фокина. – Значит, договорились на воскресенье! Утром позанимаетесь с Яковлевым, а потом придёте в школьный сад – будем сажать деревья!
- Что? – заорали мы с Костей в один голос. – Ещё и деревья сажать?.. Да мы же... мы же устанем после занятий!
- Физический труд, – сказал главный редактор нашей стенгазеты, – лучший отдых после умственной работы.
- Это что же получается, – сказал я, – значит, как в опере, получается... «Ни сна, ни отдыха измученной душе!..»
- Алик! – сказала староста нашего класса. – Смотри, чтобы они не сбежали!..
- Не сбегут! – сказал Алик. – Сделайте весёлое лицо! У меня разговор короткий! В случае чего... – Алик навёл фотоаппарат на нас с Костей. – И подпись...

СОБЫТИЕ ЧЕТВЁРТОЕ **(Очень важное!) А если я устал быть человеком?!**

Ребята, переговариваясь, выходили из класса, а мы с Костей все ещё продолжали сидеть за партой и молчать. Признаться честно, мы оба с ним были просто, как говорится, ошарашены. Я уже говорил, что раньше нам тоже приходилось получать двойки, и не раз, но никогда ещё наши ребята не брали нас с Костей в самом начале года в такой оборот, как в эту субботу.

Я думал, что мы с Костей остались в классе совсем одни, и хотел уже поделиться с ним своими мрачными мыслями, но в это время сбоку ко мне подошла вдруг Зинка Фокина.

– Юра! – сказала Зинка Фокина. (Вот странно! Раньше она всегда называла меня только по фамилии.) – Юра... Будь человеком!.. Исправь завтра двойку! Исправишь?

Она говорила со мной так, словно мы были в классе совсем одни. Словно рядом со мной не сидел мой лучший друг Костя Малинин.

– Исправишь? – тихо повторила она свой вопрос.

– Фокина! – сказал я официальным голосом. – Если бы я был некультурный, я бы тебе сказал: «Не при-ста-вай!..»

Фокина (возмущённо). С тобой совершенно невозможно разговаривать по-человечески!

Я (хладнокровно). Ну и не разговаривай!

Фокина (ещё возмущенней). И не буду!

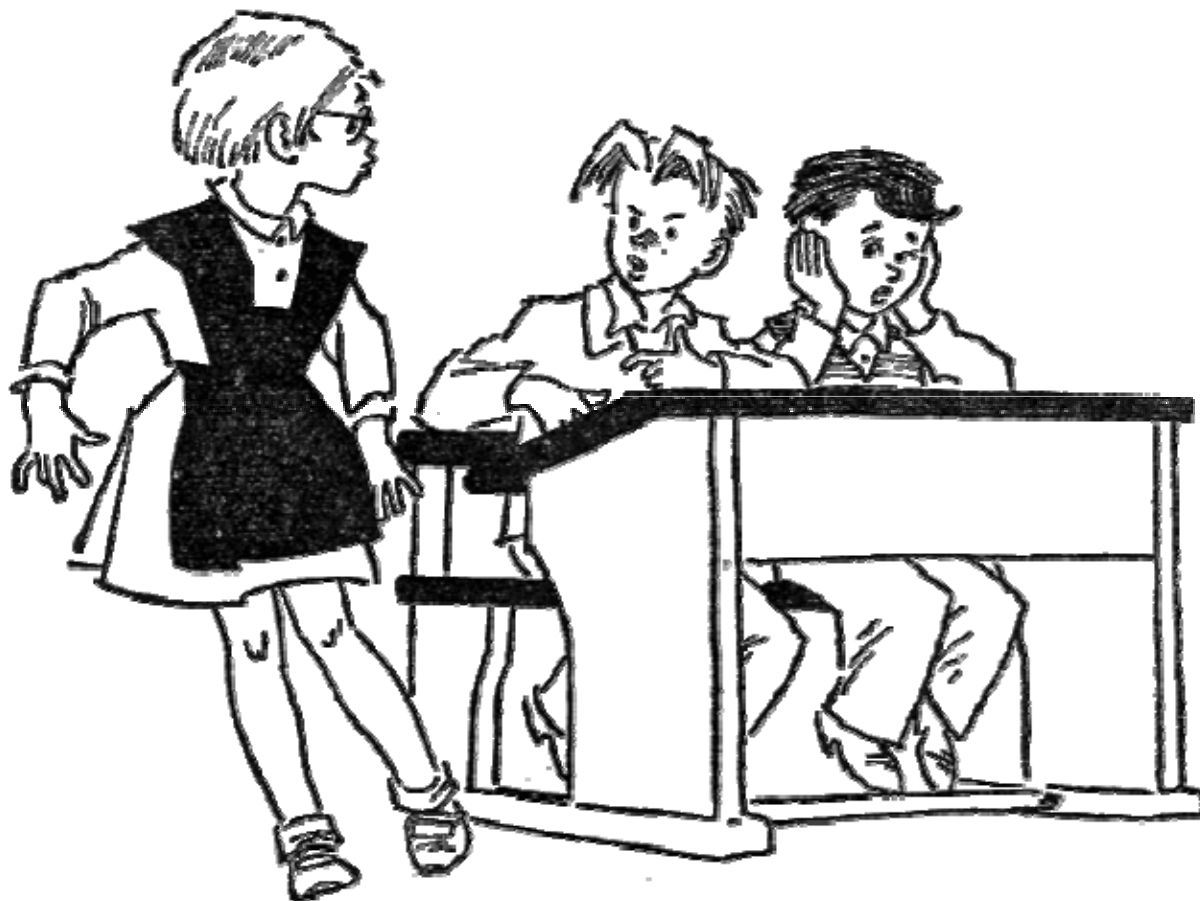
Я (ещё хладнокровней). А сама разговариваешь!..

Фокина (возмущенней в тысячу раз). Потому что я хочу, чтобы ты стал че-ло-ве-ком!

– А если я устал быть человеком, тогда что?.. – возмущённо закричал я на Фокину.

– Ну, Баранкин! Знаешь, Баранкин!.. Все, Баранкин!.. – сказала Фокина и вышла из класса.

А я снова остался сидеть за партой, молча сидеть и думать о том, как действительно я устал быть человеком...» Уже устал... А впереди ещё целая человеческая жизнь и такой тяжёлый учебный год... А завтра ещё такое тяжёлое воскресенье!...

СОБЫТИЕ ПЯТОЕ

Лопаты всё-таки вручают... И Мишка вот-вот появится

И вот это воскресенье наступило! На папином календаре число и буквы раскрашены весёлой розовой краской. У всех ребят из нашего дома праздник. Идут кто в кино, кто на футбол, кто по своим личным делам, а мы с Костей сидим во дворе на лавочке и ждём Мишку Яковлева, чтобы начать с ним заниматься.

В будние дни учиться тоже небольшое удовольствие, но заниматься в выходной день, когда все отдыхают, – просто одно мучение. На дворе, как назло, стоит замечательная погода. На небе ни облачка, а солнце греет совсем по-летнему.

С утра, когда я проснулся и выглянул на улицу, все небо было в тучах. За окном свистел ветер и срывал с деревьев жёлтые листья.

Я обрадовался. Думал, пойдёт град с голубиное яйцо, Мишка побоится выйти на улицу, и наши занятия не состоятся. Если не град, то, может быть, ветер надует снег или дождь. Мишка с его характером, конечно, и в снег и в дождь притащится, зато в слякоть будет не так обидно сидеть дома и корпеть над учебниками. Пока я составлял в голове разные планы, всё получилось наоборот. Тучи сначала превратились в облака, а потом совсем исчезли. А к приходу Кости Малинина погода вообще разгулялась, и теперь на дворе солнце и небо чистое-чистое. И воздух не шевелится. Тихо. Так тихо, что с берёзы, под которой мы сидим с Костей, даже перестали падать жёлтые листья.

– Эй вы, подберёзовики! – раздался из окна нашей квартиры мамин голос. – Вы пойдёте в конце концов заниматься или нет?

Этот вопрос она задавала нам пятый или шестой раз.

– Мы ждём Яковлева!

– А разве без Яковлева начать нельзя?

– Нельзя! – сказали мы с Костей в один голос и отвернулись от окошка и стали смотреть сквозь кусты акаций на калитку, из которой должен был появиться Мишка.

Но Мишки всё не было. Вместо него за калиткой маячил, то и дело высовываясь из-за дерева, Алик Новиков. Он был, как всегда, весь увешан фотоаппаратами и всякими фотопринадлежностями. Я, конечно, не мог смотреть спокойно на этого лазутчика и поэтому отвёл взгляд в сторону.

– Воскресенье называется! – сказал я, стиснув зубы.

В это время к Алику подошла Зинка Фокина; на плече она несла четыре лопаты, подмышкой у неё была зажата какая-то картонная коробка, а в левой руке сачок для ловли бабочек.

Алик сфотографировал Зинку с лопатами на плече, и они вместе направились к нам. Я думал, что Алик взвалит теперь лопаты на свои плечи, но этого почему-то не случилось. Все четыре лопаты продолжала тащить Зинка Фокина, а Алик продолжал держаться обеими руками за фотоаппарат, который висел у него на шее.

– Эй вы, фотограф, – сказал я Алику, когда они вместе с Зинкой приблизились к скамейке. – Кажется, эти лопаты Вам не по плечу, Ваше Проявительство!

– Зато они будут по плечу вам с Костей, – сказал, ничуть не смутившись, Алик Новиков, наводя аппарат на нас с Костей. – И подпись: староста класса З. Фокина торжественно вручает хозинвентарь своим соотечественникам...

Зинка Фокина прислонила лопаты к сиденью скамейки, а Алик Новиков щёлкнул фотоаппаратом.

– Да, – сказал я, внимательно разглядывая лопаты. – Как в журнале «Костёр» получается...

– Что это ещё получается? – спросила меня Фокина.

– Загадочная картинка, – пояснил я.

– Понимаю, – сказал Алик, – где у этой лопаты ручка?

– Нет, – сказал я Алику. – Где мальчик, который будет работать этой лопатой?..

– Баранкин! – возмутилась Зинка Фокина. – Ты что, ты не собираешься сегодня озеленять школу?

– Почему это я не собираюсь? – ответил я Зинке. – Собираюсь я собираюсь... Только неизвестно, сколько времени я буду собираться...

– Баранкин, будь человеком! – сказала Зинка Фокина. – После занятий с Мишей Яковлевым немедленно приходите в школьный сад!

* * *

Она хотела сказать нам с Костей что-то ещё, но раздумала, повернулась и с лопатой на плече молча зашагала по направлению к школе.

Алик Новиков снова занял свой пост у калитки за деревом. Костя помрачнел ещё больше и уставился на лопаты; он смотрел на них как загипнотизированный, а я наоборот; я пытался на этот «инвентарь» не обращать никакого внимания. Стараясь изо всех сил казаться весёлым, я стал смотреть на деревья, даже не догадываясь о том, что до невероятных, фантастических и, можно сказать, сверхъестественных событий, которые развернутся в нашем дворе, остаётся совсем немного времени...

СОБЫТИЕ ШЕСТОЕ

Семь выходных дней в неделе – вот что поразило моё воображение!

В кустах громко чирикали воробьи. Весёлыми компаниями они то и дело срывались с веток, перелетая с дерева на дерево, на лету их стайки то сжимались, то растягивались. Было похоже, будто все воробьи были связаны между собой резиновыми нитями.

Перед самым моим носом в воздухе беззаботно летала какая-то мошкара. Над клумбой порхали бабочки. На скамейке, на которой мы сидели с Костей, бегали чёрненькие муравьи. Один муравей даже залез мне на колено и стал греться на солнышке.

«Вот у кого, вероятно, каждый день воскресенье!» – подумал я, с завистью глядя на воробьёв. Не сводя глаз с акации, я стал, наверное, в двести пятидесятый раз сравнивать свою жизнь и жизнь воробьёв и пришёл к очень печальному заключению. Достаточно было взглянуть один раз, чтобы убедиться, что жизнь птиц и разных насекомых была беззаботной и просто замечательной; никто из них никого не ждал, никто ничему не учился, никого никуда не посылали, никому не читали нотации, никому не давали в руки лопаты... Каждый жил сам по себе и делал всё, что ему вздумается. И так всю жизнь! Все дни раскрашены розовой краской! Всё время – праздник! Семь дней в неделе – и все воскресенья! А у нас с Малининым один выходной в семь дней, и то разве это выходной день? Так, только одно название. А хорошо бы пожить хоть один денёчек вот так, как живут эти счастливые мураши, или воробьи, или бабочки, только чтобы не слышать этих глаголов, которые с утра до вечера так и сыплются на твою несчастную голову: просыпайся, одевайся, пойдёшь, принеси, отнеси, купи, подмети, помоги, выучи! В школе тоже не легче. Стоит мне появиться в классе, только я и слышу от

Зинки Фокиной:

«Ой, Баранкин, будь человеком! Не вертись, не списывай, не груби, не опаздывай!..» И так далее, и тому подобное...

В школе будь человеком!

На улице будь человеком!

Дома будь человеком!

А отдыхать когда же?!

И где взять время для отдыха? Немного свободного времени ещё, конечно, можно выкроить, а вот где найти для отдыха такое местечко, чтобы тебе абсолютно никто не мешал заниматься всем, что твоей душе угодно? И здесь мне пришла в голову та невероятная идея, которую я уже давно, тайно от всех вынашивал в своей голове. А что, если взять и попытаться её о-су-ществ-ить! Осуществить сегодня же! Сейчас! Более подходящей минуты, может быть, больше никогда и не будет, и более подходящей обстановки и настроения тоже, может быть, никогда не будет!.. Сначала надо обо всём рассказать Косте Малинину. А может быть, не стоит?.. Нет, стоит! Расскажу! А там будь что будет!

– Малинин! – сказал я шёпотом. – Слушай меня, Малинин!.. – От волнения я чуть было не задохнулся. – Слушай!

Конечно, если бы мне не нужно было в этот выходной день заниматься, а потом ещё и работать в школьном саду, то я, может быть, никогда бы не поделился с Костей своим невероятным и неслыханным замыслом, но двойка, красовавшаяся в моём дневнике, и лопата, прислонившаяся ко мне своим черенком, переполнили, как говорится, чашу моего терпения, и я решил действовать.

СОБЫТИЕ СЕДЬМОЕ Единственная в мире инструкция

Я ещё раз взглянул на окна нашей квартиры, на небо, на Воробьёв, на калитку, из которой вот-вот должен был появиться Мишка Яковлев, и сказал по-настоящему взволнованным голосом:

– Костя! А ты знаешь, что утверждает моя мама?!

– Что? – спросил Костя.

– Моя мама утверждает, – сказал л, – что если по-настоящему захотеть, то даже курносый нос может превратиться в орлиный!

– В орлиный? – переспросил Костя Малинин и, не понимая, к чему это я говорю, уставился в стену нашего дома, на которой было написано мелом:

БАРАНКИН ФАНТАЗЁР НЕСЧАСТНЫЙ!!!

– В орлиный! – подтвердил я. – Но только, если захотеть по-настоящему.

Малинин отвёл свой взгляд от забора и недоверчиво посмотрел на мой нос.

Мой профиль был полной противоположностью орлиного. Я был курносый. По выражению моей мамы, я настолько курнос, что через дырочки моего задранного вверх носа можно разглядеть, о чём я думаю.

– Так что же ты ходишь с таким носом, если он может у тебя превратиться в орлиный? – спросил Костя Малинин.

– Да я не о носе, дуралей!

– А о чём? – все ещё не понимал Костя.

– А о том, что, если по-настоящему захотеть, значит, можно из человека превратиться, к примеру, в воробья...

– Это зачем же нам превращаться, к примеру, в воробьёв? – спросил Костя Малинин, глядя на меня как на ненормального.

– Как – зачем? Превратимся в воробьёв и хоть одно воскресенье проведём

по-человечески!

– Как это – по-человечески? – спросил ошеломлённый Малинин.

– По-человечески – значит по-настоящему, – пояснил я. – Устроим себе настоящий выходной день и отдохнём как полагается от этой арифметики, от Мишки Яковлева... от всего на свете отдохнём. Конечно, если ты не устал быть человеком, тогда можешь не превращаться – сиди и жди Мишку...

– Как это – не устал? Я очень даже устал быть человеком! – сказал Костя. – Может, побольше твоего устал!..

– Ну вот! Вот это по-товарищески!

И я с ещё большим увлечением стал расписывать Косте Малинину ту жизнь, без всяких забот и хлопот, которая, по моему мнению, ожидала нас, если бы нам удалось каким-то образом превратиться в воробьёв.

– Вот здорово! – сказал Костя.

– Конечно, здорово! – сказал я.

– Подожди! – сказал Костя. – А как же мы с тобой будем превращаться? По какой системе?

– Не читал, что ли, в сказках: «Стукнулся об землю и превратился Иванушка в орла быстроскрылого... Стукнулся ещё раз об землю и превратился...»?

– Слушай, Юрка, – сказал мне Костя Малинин, – а это обязательно – стукаться об землю?..

– Можно и не стукаться, – сказал я, – можно и при помощи настоящего желания и волшебных слов...

– А где же мы с тобой возьмём волшебные слова? Из старой сказки, что ли?

– Зачем – из сказки? Я сам придумал. Вот... – Я протянул Косте тетрадь, тетрадь, которую ещё никто не видел на свете, кроме меня. – Тут всё написано...

– «Как превратиться из человека в воробья по системе Баранкина. Инструкция», – прочитал Костя свистящим шёпотом надпись на обложке тетради и перевернул первую страницу...

СОБЫТИЕ ВОСЬМОЕ

«Не хочу учиться, хочу быть птицей!..»

– «Не хочу учиться, хочу быть птицей!..» А это что, стихи, что ли? – спросил меня Костя, – Не стихи, а заклинание. В рифму... – пояснил я. – В сказках так всегда полагается. Знаешь, снип-снап-снур-ре-пурре-базелюрре...

– «Я уверен, без забот воробей живёт! Вот я! Вот я!..» А дальше неразборчиво...

– Чего неразборчива? – сказал я. – «Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья!..»

– Складно получается! – сказал Костя.

– Всю ночь не спал, – сказал я и оглянулся по сторонам: я боялся, чтобы нас с Костей кто-нибудь не подслушал.

– А что ж мы с тобой теряем время? – крикнул Малинин. – Давай скорее превращаться, пока Мишка Яковлев не пришёл!

– Ты какой-то чудак, Малинин! Как это – скорей? Может, у нас с тобой ещё ничего не получится, а ты уже радуешься да ещё орёшь на весь двор!

– Ну и что?

– Как это – ну и что! Дело таинственное, можно сказать, непроверенное. Кто-нибудь подслушает – потом смеяться будут, если у нас ничего не выйдет.

– Ты же сам говорил, что если есть волшебные слова да ещё если захотеть по-настоящему, то обязательно выйдет! – сказал Костя шёпотом.

– Конечно, выйдет, если захотеть по-настоящему! А вот как это – захотеть по-настоящему? Вот в чём загадка! – прошептал я. – Ты, Костя, в жизни чего-нибудь хотел по-настоящему?

– Не знаю, – тихо сказал Костя.

– Ну вот! А говоришь – скорей! Это тебе не двойку в тройку превращать. Здесь, брат, двух человек надо превратить в воробьёв. Вот какая задача!

– А зачем – в воробьёв? В бабочек, я думаю, легче.

– Зачем же в бабочек? Бабочки – насекомые, а воробьи – это как-никак птицы. На прошлом уроке мы как раз проходили воробьёв. Ты в это время, правда, постороннюю книгу читал.

– Верно. Я про воробьёв не слушал.

– Ну вот, а я слушал. Нина Николаевна нам целый час рассказывала о воробьях. Знаешь, какая у них замечательная жизнь?

– В воробьёв так в воробьёв! – сдался Костя Малинин. – Я в драмкружке в «Снежной королеве» ворона играл, мне в воробья будет даже легче превращаться. Давай скорее!

– Тебе бы только скорее! Сначала надо хоть немного потренироваться, – сказал я, забираясь с ногами на лавочку.

Присев на корточки, как воробей, я втянул голову в плечи и заложил руки за спину, словно крылья.

– Похоже! – сказал Костя, повторяя за мной все движения. – Чик-чирик!

– Ну вот что! – сказал я. – Тренироваться так тренироваться, а раньше времени чирикать нечего. Давай лучше отработаем воробьиную походку.

Сидя на корточках, мы стали прыгать по лавочке и чуть не свалились на землю.

– Тяжело! – сознался Костя, для равновесия размахивая руками, как крыльями.

– Ничего, – успокоил я Малинина, – когда мы станем настоящими воробьями, прыгать будет легче.

Костя хотел ещё немного попрыгать, но я ему сказал, что тренировка окончена и что теперь мы переходим к самому главному – к превращению человека Малинина и человека Баранкина в воробьёв.

– Замри! – скомандовал я Косте Малинину.

– Замер!

– Сосредоточься!

– Сосредоточился! – ответил Костя.

– А теперь по команде, мысленно, как говорится, в своём воображении, начинай превращаться в воробья! Понятно?

– Понятно!

– Если понятно, тогда к превращению из человека в воробья приготовились!

– Приготовились!

– Начали!

– Начали!

Я зажмурил глаза, напрягся и, мысленно повторяя слова заклинания, начал изо всех сил мысленно, в своём воображении, превращаться в воробья, сомневаясь про себя в том, что у меня хватит настоящего желания и настоящих сил, необходимых для такого неслыханного и невиданного и, можно сказать, сверхъестественного задания...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ЧИК-ЧИРИК! ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!

СОБЫТИЕ ДЕВЯТОЕ Стоит захотеть по-настоящему и...

Сказать по правде, у меня всю жизнь часто возникали в голове всякие трудноосуществимые желания и фантазии.

Одно время я, например, мечтал изобрести такой аппарат, с помощью которого можно было бы у любого человека на расстоянии отключить голос. По моим расчётам, этот аппарат (я его назвал ТИХОФОН БЮ-1 – отключатель голоса по системе Баранкина) должен был действовать так: предположим, сегодня на уроке учитель рассказывает нам о чем-нибудь неинтересном и тем самым мешает мне, Баранкину, думать о чем-нибудь интересном; я щёлкаю в кармане выключателем тихофона, и голос учителя исчезает. У кого такого аппарата

нет, те продолжают слушать, а я в тишине спокойно занимаюсь своим делом.

Другой пример: я захожу утром в класс. Зинка Фокина налетает на меня и тут же начинает читать мне нотацию; я спокойно щёлкаю в кармане рычажком и выключаю голос Фокиной на весь день...

Мне очень хотелось изобрести такой аппарат, но дальше названия у меня почему-то дело не пошло, может быть, потому, что я не по-настоящему хотел изобрести такой аппарат? – Или вот в прошлом году, в последний день летних каникул, перед тем как лечь спать, мне, например, ужасно захотелось стать взрослым, но не через пятнадцать – двадцать лет, как становятся все нормальные люди, а на завтра же. Скажем, так: спать ты ложишься ещё мальчишкой, просыпаешься утром, смотришь – ты уже взрослый, с усами, и в школу идти не надо... Желание моё было ужасно сильным, я даже во сне только об этом и думал. Утром первого сентября я проснулся, конечно, пораньше. Смотрю – лежу в постели таким же, как уснул, без усов, и надо идти в школу...

Были у меня и другие сильные желания, но ни одно из них, конечно, не захватывало меня вот так, по-настоящему, как желание превратиться из человека в воробья!..

Итак, когда я скомандовал Косте «начали» и зажмурился, я решил, что не открою глаза до тех пор, пока мне не покажется, что я уже превратился в воробья.

Я сидел на лавочке, не шевелясь, не отвлекаясь, не размышляя ни о чём постороннем, и думал только об одном: «Как бы мне скорее превратиться в воробья». Я ждал наступления этого момента с такой силой, с какой не ждал даже начала летних каникул. А то, что во дворе с минуты на минуту должен был появиться Мишка Яковлев, только удесятёряло мои силы и намерения.

Сначала я сидел на лавочке просто так, как сидят все обыкновенные люди, и не чувствовал ничего особенного. В голову по-прежнему лезли всякие неприятные человеческие мысли: и про двойку, и про арифметику, и про Мишку Яковлева, но я старался обо всём этом не думать. Я считал, что если уж я решил твёрдо превратиться в воробья, то и думать надо только исключительно о чем-нибудь воробьином. Через некоторое время я заметил, что у меня в голове наконец-то вместо человеческих мыслей стали появляться и нечеловеческие. Так, например, мне внезапно захотелось немного пощебетать на воробьином языке.

Вслед за мыслями стали возникать сами по себе разные нечеловеческие желания и намерения: то мне хотелось спорхнуть с лавочки и немного полетать по воздуху, то посидеть на самой вершине берёзы, то немного пожить в скворечнике...

А когда я, по привычке, попробовал опять подумать о чем-нибудь человеческом, то у меня, к моему удивлению, на этот раз ничего не получилось. Арифметика мне показалась глупейшим занятием. Двойка почему-то вообще перестала меня расстраивать и потеряла всякое значение, а Мишка Яковлев стал мне представляться не знаменитым на всю школу отличником, а каким-то неуклюжим и несчастным существом, которое не умеет делать даже такой простой вещи, как летать по воздуху.

В это самое время у меня по ногам начали ползать мурашки. Они ползли все скорее и скорее. Потом побежали по спине, по рукам, по всему телу. Вдруг совершенно неожиданно мне захотелось поклевать овса. Да, да! Овса! Нечищенного, сырого овса! И чтобы он лежал на земле в пыли. И чтоб его было много, этого овса, очень много. В общем, столько, чтобы я мог наклеваться досыта.

Сажу я на лавочке с закрытыми глазами, по телу у меня мурашки, словно сумасшедшие, носятся, как ребята на большой перемене, а я сажу и думаю: «Интересно, что же означают эти мурашки и этот овёс? Мурашки – это ещё мне понятно, это я, наверное, ноги отсидел, а при чём здесь овёс?»

Я даже мамину овсяную кашу на молоке с вареньем и ту ел дома всегда без всякого удовольствия. Почему же мне хочется сырого овса? Я ведь всё-таки человек, а не лошадь?

Сажу, думаю, гадаю, но ничего сам себе объяснить не могу, потому что глаза у меня плотно закрыты, и от этого в голове совершенно темно и неясно.

Тогда я подумал: «Уж не случилось ли со мной чего-нибудь такого...» – и поэтому решил осмотреть себя с ног до головы...

Затаив дыхание я чуть-чуть приоткрыл глаза и первым делом взглянул на свои ноги. Смотрю – у меня вместо ног, одетых я ботинки, босые воробьиные лапы, и этими лапами я стою босиком на лавочке, как самый заправский воробей. Я открыл глаза пошире, смотрю – вместо рук у меня крылья. Открываю глаза ещё больше, верчу головой, гляжу – сзади торчит хвост. Это что же получается? Получается, что я всё-таки превратился в воробья!

Я – воробей! Я больше не Баранкин! Я самый настоящий, самый что ни на есть воробейный воробей! Так вот почему мне так вдруг захотелось овса: овёс – любимое кушанье лошадей и воробьёв! Всё понятно! Нет, не всё понятно! Это что же выходит? Значит, моя мама была, права. Значит, если по-на-сто-я-ще-му захотеть, то можно действительно всего достичь и всего добиться!

Вот это открытие!

О таком открытии стоит, пожалуй, прочирикать на весь двор. Да что на весь двор – на весь город, даже на весь мир!

Я распустил свои крылья! Я выкатил грудь! Я повернулся в сторону Кости Малинина – и замер с разинутым клювом.

Мой друг Костя Малинин продолжал сидеть на лавочке, как самый обыкновенный человек... Косте Малинину не удалось превратиться в воробья!.. Вот тебе раз!

СОБЫТИЕ ДЕСЯТОЕ

Что на воробьином языке означает...

Косте Малинину не удалось превратиться в воробья!

Он пыжился, жмурился, всё время ощупывал себя руками, чуть слышно шептал себе под нос: «Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья!» – и все безрезультатно. А ещё торопил меня, а ещё кричал на весь двор: «Давай скорее превращаться в воробьёв! Давай быстрее! Давай сейчас же!» А сам как был Малининым, так и остался. Только покраснел как рак, и больше ничего.

– Малинин! – закричал я на Костю. – В чём дело? Почему ты не превращаешься в воробья?..

Но вместо этих слов из моего рта вылетело обыкновенное воробьиное чириканье: «Чик-чирик! Чьвит-чьвит! Чиу-чиу!»

Повернув голову, Костя посмотрел в мою сторону и с изумлением вытаращил глаза.

– Баранкин! – сказал он. – Это ты, Баранкин?..

– Чио! Чио! Чья! Чья! – ответил я ему по-воробьиному, что означало: «Конечно, я! Не узнаешь, что ли?!»

Убедившись, что я не вру и что я уже действительно не я, а самый настоящий воробей, Малинин покраснел ещё больше – наверное, от зависти! – и чуть не расплакался.

– Как же это у тебя получилось? – спросил он, часто моргая глазами.

Я сказал:

– Чень-чень-чень! Чик-чик-чик!.. (Очень просто! Чик! Чик! Чик! И готово!) Затем между мною и Костей произошёл следующий разговор на разных языках:

Костя (со слезами на глазах). Значит, превратился! Вот здорово! А почему же я не превратился?

Я. Чирик! Чим-чирим! (Откуда я знаю!) Чирик-чи-чвить-чить! (Наверное, хотел не по-настоящему!) Костя. Что ты на меня чвикаешь? Говори по-человечески!

Я. Р-р-р-чик! Чуть-чуть-чьвим-чим! (Как же я могу говорить по-человечески, если я воробей!) Чепчик! Чи-чи-нип!

Костя. Ещё «чепчиком» обзывает!

А я совсем его и не обзывал «чепчиком». Я ему сказал: "Не падай духом, Малинин! Ещё раз попытайся».

Костя стал ругать меня за то, что я, не дожидаясь его, превратился в воробья, но я ему не стал ничего чирикать в ответ. Мне самому тоже было это неприятно. Уговаривались вместе превратиться в воробьёв – и вот вам, пожалуйста. Конечно, быть воробьём одному не так интересно, как вдвоём.

Я махнул крылом. Взлетел. Уселся на заборе злой-презлой и повернулся спиной к Косте Малинину. И надо же было, чтобы в эту минуту на улице из-за угла показался на велосипеде Мишка Яковлев. Я схватился крыльями за голову. Всё пропало! Теперь Малинин уж ни за что не успеет превратиться в воробья!

– Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья! – донёсся до меня снизу голос Кости Малинина.

Не сводя глаз с Мишки Яковлева, я крикнул Косте с забора:

– Чим-чим-чим! Чер-чилим! Чер-чилим! Чересчур! Чересчур! (Поздно! Мишка на велосипеде едет! Сейчас он тебя учиться поведёт!) Сам чирикаю и вижу, как Мишка уже въехал во двор и к лавочке подъезжает, на которой сидит несчастный Костя Малинин, то есть не сидит, а должен был сидеть... Я говорю «должен был», потому что, когда Мишка Яковлев подрулил к лавочке, Кости на скамейке уже не было. Вместо Кости на скамейке стоял на полусогнутых лапах воробей, и, судя по всему, этот воробей был не воробей, а бывший Костя Малинин. Значит, пока я переживал и уже ни во что не верил, Костя Малинин взял и тоже превратился в воробья со второй, а может, и с третьей попытки. Впрочем, неважно, с какой попытки, важно, что превратился.

* * *

– Костя, – крикнул Мишка, слезая с велосипеда, – Малинин! Ты куда спрятался? Странно! По-моему, я его только что видел на лавочке. Конечно, видел. Вот его учебники и тетради!

Мишка собрал тетради и учебники и, не обращая никакого внимания на рядом сидящего воробья (который был вовсе не воробей, а Костя Малинин – вот смехота!), оглядел весь двор, потом посмотрел на наше окно, из которого показалась голова моей мамы.

– Здравствуй, Миша! – сказала мама. – А где же Юра и Костя?

– А я как раз хотел вас об этом спросить! – сказал Яковлев. – Учебники и лопаты на лавочке лежат, а их нет...

– Вот сорванцы! – сказала мама. – Наверное, на улицу убежали... Ты, Миша, заходи в комнату, они сейчас вернутся!

Мишка положил Костины учебники на седло и скрылся в подъезде, а я слетел с забора на лавочку к Косте Малинину.

– Ир-чик! Ир-чик! Чуть-чуть-чуть! – сказал я Косте. (Молодец, Малинин! Превратился всё-таки!) На что мне Костя прочитал:

– Че-че-че? (Честное слово?) – Че-че-че! – сказал я. – Чуф-чуф-чуф! Чи-чи-чи! (Честное слово! Открой глаза и увидишь!) И Костя открыл свои голубые, как у девчонки, глаза... Глаза у него так и остались голубыми! Воробей с голубыми глазами! Здорово!

Стоит на лапках, качается, хвостом сам себе равновесие помогает держать и от удивления прийти в себя никак не может.

А я вытер крылом пот со лба и сказал:

– Всё в порядке! (Ч-уфф!) – Ч-уфф! (Всё в порядке!) – сказал Костя Малинин и тоже вытер крылом лоб.

Мы обнялись и, подпрыгивая от радости, закружились по скамейке...

СОБЫТИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Встреча с бесхвостым

– Сейчас наедемся овса, – сказал я Косте Малинину, – и пом-чим-чим-ся! Полетим!

– Куда?

– Можно направо, можно налево. Раз мы с тобой превратились, то нам теперь все можно. – Я поднял крыло, отставил лапку и прочитал с выражением; – «Мы вольные пти-ти-ти-цы! Пора, брат, пора! Туда, где за морем белеет гора!..» Одним словом, куда захо-тим-тим, туда и поле-тим-тим! Вот какая жизнь!

Малинин засмеялся.

– Юр-чи-чик! – сказал он. – В воробья ты превратился, а клюв у тебя остался курносый. Чу-чу-деса!

– Врёшь!

– Ни-чуть!

– А у тебя глаза голубыми остались, как у дев-чон-ки! Чеп-чик!.

Я спорхнул с лавочки к луже и стал смотреться в воду. Клюв у меня действительно остался курносый, и вообще я весь получился какой-то серый, и перья у меня топорщились во все стороны, и на лбу торчал хохолок... Костя Малинин выглядел совсем по-другому: у него была нарядная белая грудка с галстуком, сам он был весь чистенький, аккуратненький, с приглаженными пёрышками, как будто он только что из парикмахерской вылетел.

Впрочем, я ничуть не расстроился: я, когда был человеком, тоже не отличался особенной красотой и аккуратностью. Подумаешь, курносый так курносый. Взъерошенный так взъерошенный.

Не в этом дело. Дело в том, что я во-ро-бей и что теперь мне никто и ничто не может испортить моего замечательного воробьиного настроения. А настроение у меня было действительно замечательное! Ещё бы! В голове совершенно пусто – ни забот, ни мыслей, ни тревог! И так будет весь день! Целый день-день-день-день! Ну и день-день-день! Вот так день-день-день!

Я напился дождевой воды и ударил крылом по своему отражению, обдав брызгами Костю Малинина, скакавшего по ту сторону лужицы.

– Костю-чок-чок-чок! Ну, как жизнь?

– Заме-ча-тельная! – чирикнул Малинин, брызгая в меня водой.

– А что я тебе говорил? А ты говорил: «Превратимся лучше в бабочек»! Давай искупаемся!

– Холодно! Давай лучше овёс искать. Очень-чень есть хочется.

Найти овёс на нашем дворе оказалось делом нелёгким. Мне попадались и конопляные зёрнышки, и арбузные семечки, и семечки обыкновенные, а вот овса всё не было.

– Ты че-чего дерёшься! – услышал я вдруг за спиной Костин голос. – Юр-чик! Он у меня из хвоста перо выдернул! Хулиган какой!

Я оглянулся и увидел, что недалеко от меня Костю Малинина гоняет по траве здоровенный бесхвостый воробей.

– Я скачу, – затрепал Костя, подбегая вприпрыжку и прячась за мою спину, – вижу, в траве овёс лежит, нагнулся – слышу, у меня из хвоста кто-то перо дёргает! Хулиганство какое!

– Ты че-чего к маленьким пристаёшь? – спросил я, подскакивая к здоровенному воробью. – Че-чего ты людям выходной день-день портишь?

– Я ни-че-че-го! А че-че-го этот птен-чик на мой овёс разлетелся? На чу-чу-жой двор заявились да ещё распоряжаются здесь! Что-то я вас здесь раньше никогда не замечал!

Я хотел по-хорошему объяснить воробью, почему он не мог нас раньше видеть на дворе, но верзила-воробей и не стал меня слушать. Он подскочил ко мне и, не говоря ни слова, ударил меня по-воробьиному крылом в грудь. Ударил. Отскочил. Ноги расставил и крылья для устрашения распустил.

* * *

Но я не растерялся. Я тоже распустил крылья веером, хвост – трубой, подскочил к верзиле нос к носу да ка-ак дам ему подножку! Обыкновенную человеческую подножку. Конечно, верзила-воробей не знал такого приёма и, хотя он был выше меня на целую голову, свалился на траву как подкошенный. Лежит на лопатках, ноги кверху задрал и молчит и больше не задирается. Он думал, наверное, что мы ему сейчас с Костей зададим хорошую взбучку. А мне этого воробья почему-то даже жалко стало.

– Эй ты, куций! – сказал я. – Вставай! У, нас лежачего не бьют! Можешь проваливать... Впро-чем-чем, можешь и остаться! Мы тебя сейчас-час угостим овсом. Костя, где овёс?

– Здесь, в траве. Вот ов-син-синки, и вот ов-син-синки.

Но бесхвостый не обратил на мои слова никакого внимания. Он молча поднялся,

отряхнулся и испуганно запрыгал прочь.

– Чеп-чик! – крикнул ему Малинин вслед, махая хвостом.

– Сам ты чеп-чик! – сказал я Косте, зажимая лапой золотистую овсинку. – Не мог без меня дать сдачи!

Ко мне снова вернулось хорошее настроение. И Костя Малинин опять стал весёлый-превесёлый.

– А здорово ты его чеб-чеб-чебурахнул! – сказал Костя, выгребая из травы зёрнышко овса.

У меня даже слюнки потекли от одного вида аппетитных овсинок. Я поточил клюв о камешек и ещё крепче зажал зёрнышко лапой. Сейчас я эту овсинку раздолблю и съем... Сейчас!

– Кошка! – услышал я за спиной отчаянный голос Кости Малинина.

Я обернулся...

СОБЫТИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ Кошка Муська хочет меня съесть.

Итак, я обернулся... Смотрю, Кости Малинина уже на земле нет, он уже на акации. Привесился к ветке вниз головой, крыльями машет и кричит как сумасшедший:

– Кошка! Сзади тебя кошка!

Я повернул голову в другую сторону. От мусорного сарая ко мне действительно приближалась кошка, обыкновенная кошка. Только я никак не мог понять, что было в этом ужасного и почему Костя устраивает такую панику, как будто на дворе появился тигр. Просто псих какой-то этот Малинин! Если бы я знал, что он будет таким нервным воробьём, я бы ни за что с ним не связывался.

* * *

– Юр-чик! Скорее улетай! – продолжал метаться на ветке Костя Малинин.

Кошка подошла поближе и остановилась. И в этой незнакомой кошке я узнал любимую мамину кошку Муську. Когда я ещё сидел на лавочке как человек, она спрыгнула с подоконника, подошла ко мне и стала тереться о мою ногу, а я её прогнал, чтобы она не мешала мне думать.

– Здорово, Муська! – чирикнул я. – Чу-чу-чу-ешь, кто я такой, или нет?.. Ты что, не узнаешь своего хозяина, что ли?.. Да ты не бойся, подойди поближе, я тебя не съем! Это же я! Вотчу-чу-дач-ка! А вон на дереве Костя Малинин. Тоже не узнаешь? Костя, не бойся, лети сюда! Это наша Муська!

– Ты с ума сошёл! – снова затрещал на акации Малинин. – Она же тебя съест!

– Меня? Своего хозяина? Это ты с ума сошёл! Ты какой-то, Малинин, чу-чу-чумовой!

Не успел я закончить фразу, как сзади на меня обрушилось что-то урчащее, тяжёлое и подмяло под себя. «Муська!» – успел подумать я и рванул из всех сил в сторону и вверх по направлению к акации, на ветках которой продолжал чокать и трещать Костя Малинин. Я летел, как камень из рогатки. Я чуть не сбил с дерева своего лучшего друга. Хорошо, что он удержался. Тем временем я тоже успел зацепиться за ветку. С ветки акации я взглянул вниз. Муська водила хвостом по траве, продолжая урчать и облизываться.

В воздухе медленно, как рыбки в аквариуме, плавали выданные Муськой из моего бока маленькие пёрышки.

– Полу-чи-чил! Полу-чи-чил! – продолжал злорадно трещать Костя Малинин.

– Ниче-че-го не понимаю, – чирикнул я. – Такая знакомая кошка... Можно сказать, родная...

– «Родная! Знакомая»!.. Скажи спасибо, что вывернулся...

– Баранкин перед кошками никогда не отступал!

– Храбрый какой! Расчи-чи-рикался: «Иди сюда, я тебя не съем, чу-дач-ка!»! Сам чу-чу-дак! Ты забыл, что ли, что кошки едят воробьёв?

– Да нет, – сказал я, – просто я ещё не привык к тому, что я воробей!

– «Не привык»! А почему же я сразу привык? – сказал Костя и добавил:

– Вот съела бы тебя твоя родная Муська, что бы я твоей матери сказал?

Я представил на секунду, что было бы, если бы мне действительно не удалось вырваться из Муськиных лап, и мне стало не по себе. Откровенно говоря, я просто испугался, хотя опасность миновала и бояться было уже нечего, но перья у меня все равно зашевелились и встали дыбом.

– Что это с тобой? – спросил меня Костя Малинин.

– Да так... Жарко! – сказал я, обмахиваясь одним крылом Костя опять начал ругать меня, а я взял и сунул голову под крыло, чтобы не слышать больше Костиной ругани, но в это время кто-то ткнул меня чем-то острым в бок...

СОБЫТИЕ ТРИНАДЦАТОЕ О чём чирикают бабушки

Я выглянул из-под крыла и увидел сидящего рядом со мной старого, облезлого воробья.

– Ты, птен-чик желторотый, – сказал мне старый воробей, – я тут всё время за тобой с берёзы наблюдал. Ты что, вообще дура-чок-чок-чок или только притворяешься?

– А что вам от меня надо?

– Ты не груби старшим.

– Я не грублю. Это у меня такой голос. Чтобы отвязаться от старика, я снова спрятал голову под крыло, но старик опять пребольно клюнул меня в шею.

– Слушай, когда с тобой разговаривают старшие! Чти взрослых! Чти-чти-чти! Не чуф-чуф... не чуфырься!

– А я и не чуфырюсь!

– А что это ты про кошек чирикал? Какие могут быть у воробья знакомые кошки? Ах вы, птенч-птенч-птенчики! И чему только учат вас родители?

Старик закатил глаза и стал чирикать о том, какие в его времена были прилежные и послушные воробьята, какие они все были умные, как они не чуфырились, а теперь все чуфырятся.

Стоило превращаться в воробьёв, чтобы выслушивать эту чеп-чеп-чепуховую нотацию. Да у нас по вечерам старухи как усядутся вместе на лавочке, только об этом и чирикают, то есть разговаривают.

– Вы чьи дети? Чьи вы? Чьи вы? – спросил меня старик.

– Ничьи! Ничьи! – сказал я, срываясь с ветки и увлекая за собой Костю Малинина.

– «Чуфырься! Не чуфырься!» – сказал Костя, работая крыльями. – Чох-чок-чокнутый какой-то!

Мы закружились над нашим двором, выбирая дерево, не занятое воробьями. Хотя я и сам был воробей, но мне почему-то вдруг захотелось держаться от них подальше. Знакомство с бесхвостым и со стариком произвело на меня не совсем приятное впечатление. А больше всего меня расстраивало вот что: с той минуты, как мы превратились с Костей в воробьёв, прошло, наверное, уже полчаса, а наша воробьиная жизнь все как-то не налаживалась, и вообще всё шло совсем не так, как я ожидал. Время идёт... Завтра, между прочим, снова в школу...

Косте Малинину я, конечно, ничего не сказал. В конце концов впереди ещё целый день – жизнь наладится, и всё будет хорошо. Главное, не надо отчаиваться и терять надежды.

Покружив в воздухе, мы опустились с Костей на дерево, не занятое воробьями.

Ветка, на которую мы уселись, выходила на солнечную сторону. Солнце пригревало, как летом.

С удовольствием втянув голову в плечи, я уже собирался спрятать её под крыло, как вдруг у меня над ухом что-то противно свистнуло. Раздался щелчок. Посыпались листья. Ну что ещё такое? В чём дело? Я открыл глаза и посмотрел вниз.

СОБЫТИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ Дальнобойная рогатка с оптическим прицелом

Возле лавочки, на которой мы ещё недавно сидели с Костей Малининым, стоял мой сосед по квартире, белобрысый Венька Смирнов, и отвратительно шурился. В руках у него

была рогатка с оптическим прицелом. Рогатку я узнал сразу. Никто лучше меня не делал таких дальноточных рогаток. Венькину рогатку тоже смастерил я по его личной просьбе. Венька смотрел на меня в оптический прибор. Я смотрел на Веньку. На Венькином лице было написано: «Не попал! А жаль!..»

Так. Мало того что меня чуть-чуть не слопала наша кошка, теперь в меня стреляют из рогатки, сделанной моими же руками.

– Ну, подожди, Венька! – чирикнул я с дерева. – Подожди, белобрысый! Когда я опять превращусь в че-че-ловека, я тебе покажу, как стрелять в меня из рогатки!

Не обращая никакого внимания на моё чириканье, Венька нагнулся и стал искать камень. Мы с Костей переглянулись и, не сговариваясь, одновременно рванули с дерева. Я решил улететь подальше от нашего двора, подальше от кошки Муськи, от белобрысого Веньки с рогаткой, от этих драчливых и негостеприимных воробьёв. Мы пролетали один двор за другим. С высоты нашего птичьего полёта оказалось, что в нашем городе кошек было гораздо больше, чем я предполагал, когда был человеком. Мальчишек с рогатками тоже было много. Это открытие меня расстроило. Из своего небольшого воробьиного опыта я уже успел понять, что любое знакомство с рогаткой или кошкой может закончиться очень плохо для воробьёв. Малинин тоже меня стал почему-то ужасно раздражать. Тащится где-то там, в хвосте, отстаёт всё время и вообще летит с таким видом, как будто он мне одолжение делает.

– Че-че-го ты всё время отстаёшь? – не вытерпел я и заругался на Костю. – Тянушка противная!

– Я устал!

– «Устал»!.. Че-че-тыре квартала пролетели, а он уже устал!

– Я не лететь устал. Я устал быть воробьём!

– Подумаешь! Полчаса всего, как воробей, и уже устал! А как же воробьи бывают всю жизнь воробьями?! Знал бы, не связывался с тобой!

Я высмотрел сверху небольшой сквер с большими и высокими деревьями и спланировал вниз.

– Можешь отдыхать! – сказал я Косте, когда он следом за мной плюхнулся на ветку.

Костя приподнял крыло и уже хотел спрятать голову под мышку, но вдруг над нами раздался голос:

– Вот они где, бездельники! Я их послала за соломой, а они греются на солнце! Хороши сыночки!..

СОБЫТИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Что бывает, когда сыновья отрекаются от своей матери

Я взглянул вверх и увидел толстую воробиху, свесившуюся с соседней ветки. Это она назвала нас своими сыночками.

– А почему вы молчите, почему вы ничего не отве-че-че-чаете своей мамочке?

– Ничего не понимаю! – шепнул мне Костя. – Почему она называет себя нашей мамочкой?

– А че-че-го тут непонятного? Наверное, она приняла нас за своих птенцов.

– А мы что, похожи?

– Откуда я знаю...

– Почему вы пря-че-тесь от своей мамочки? – продолжала щебетать воробиха. – Не бойтесь! Летите сюда. Так и быть, я вам ничего не сделаю.

– А может, мы действительно похожи на её сыновей?

– Может, и дей-стви-тви-тельно!

– Этого ещё не хватало! Извините, гражданка! – сказал Костя. – Мы ни от кого не пря-чем-ся, а вас мы вообще видим в первый раз!

– Это что ещё за гражданка! – заверещала воробиха. – Воробьи добрые, вы только послушайте, как он называет свою ма-мо-чку!

Воробьи, сидевшие целой стаей на соседнем дереве, громко возмутились, а толстая

воробья так разозлилась, что даже клюнула Костю Малинина в шею.

Костя заорал.

– Те-ть-ка! – вступился я за своего друга. – Че-че-стное слово, мы не ваши дети. Ну, че-че-стное-прече-че-стное!

– Глядите, воробьи добрые, и этот не хочет признавать свою мамочку, – затрещала воробья, подсакивая на ветке и взмахивая крылышками.

Воробьи стали ругать нас с Костей ещё громче, а наша «мамочка» задала нам такую трёпку, что из нас с Костей пух полетел, как из подушек... Пришлось нам с Малининым взять свои слова обратно и назвать воробью «мамочкой».

– То-то! – мгновенно успокоилась воробья. – А теперь, сыночки, летим! Учи-читься вить-вить гнездо!

– Как – учи-чи-ться? – закричали мы с Костей в один голос.

СОБЫТИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ Мы с Костей учимся вить гнездо

– Вы что, все позабыли, что ли? – сказала воробья. – Вчера ваша мамочка у-чила вас, как нужно вить-вить гнездо, а сегодня будете вить-вить сами!

– Интересное дело! – чирикнул тихо Костя. – По-чему ты мне не сказал, что воробьи тоже у-чатся?

– А откуда я мог знать?

– А за-чем ты говорил, что у воробьёв заме-ча-тельная жизнь?

– Это же не я, это Нина Николаевна говорила, – соврал я. – Вот привязался!

– В общем, ты как хочешь, а я лич-но не буду у-читься вить-вить гнездо! – громко прочирикал Костя Малинин.

– Кто сказал, что не хо-чёт у-читься вить-вить гнездо? – спросила грозно воробья, подлетая к нам с Костей.

– Это не он сказал, это я сказал! – чирикнул я, загораживая Костю, и добавил:

– А драться, по-моему, не педаго-ги-чно!

– Что! Ты где это таких слов нахватался? Воробья изо всех сил клюнула меня в спину и погнала нас вместе с Костей на соседнее дерево, где были заготовлены впрок соломинки, конский волос и другие стройматериалы.

– Зна-чи-чит, гнездо вьётся так... – защebetала воробья. – В клюв берётся соломинка и сворачив-чивается в ко-леч-ко...

Урок начался. Мы с Костей, не глядя друг на друга, с отвращением взяли в рот по соломинке.

«Интересно, бывают у воробьёв на уроках перемены?...» – подумал я с тоской, сворачивая соломинку в колечко так, как учила нас толстая воробья.

– За-тем, зна-чит!.. – продолжала щебетать воробья, ловко укладывая соломинки и приминая их грудью. – За-тем, зна-чит!..

Но что делается «затем», мы так и не узнали, потому что в эту минуту к нам свалился с неба прямо на голову толстый рыжий воробей. Ветка, на которой мы сидели, так и закачалась под его тяжестью.

– Папо-чка прилетел! Чиканька наш! Чика! Чи-ка! Чика! – обрадовалась воробья, приседая и раскачивая ветку ещё сильнее.

Мы раскрыли с Костей от удивления клювы и выронили соломинки и уставились на рыжего воробья Чику, который, по словам толстой воробьи, был нам с Костей родным папочкой...

СОБЫТИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Драка за скворечник

– Скорей, сыно-чки! Скорей, воробьятки! – за-трещал рыжий дяденька-воробей, похлопывая себя крыльями по толстым ножкам и бокам. – Стрижи улетают на ю! Освобождается скворечник-чник. Чудесный скво-реч-ник!

– Скворе-чник-чник! – зачирикала радостно воробыха. – Моя меч-та Меч-та! Меч-та!

– Да-да! Скворечник! Надо только успеть занять. Боюсь, придётся подраться! Скорей в путь-путь-путь! Летим-тим-тим!

– Ле-тим-тим-тим! – подхватил я, решив, что уж лучше драться за скворечник, чем учиться вить гнездо.

– А может, не надо драться... Может, лучше поу-чим-чим-ся вить-вить гнездо! – пискнул Костя Малинин, – Хвост не дорос старших учить! Хотел бы я видеть, что ты запоёшь зимой, когда будет холодно!

– Вот именно! – поддакнул я рыжему воробью. Воробей сорвался с ветки, столкнул крылом меня и Костю и, отчаянно чирикаая, рванулся вперёд, показывая нам направление. Воробыха пристроилась сзади, и, как только мы начинали с Костей отставать, она тут же своим острым клювом подгоняла нас и поддавала нам жару.

* * *

– Чур-чур, не отставать! Чур-чур! Вперёд! Вперёд! Чур-чур! – трещал рыжий воробей, то и дело оглядываясь.

– Ладно, Юрка, я тебе этого никогда не забуду! – сказал-мне Костя на лету, – Если уж ты на всю жизнь решил остаться воробьём, и оставайся и дерись за свой скворечник. А я лично не буду. Вот выберу момент и сбегу! Улечу, и все!

– Тише, чужак! Все дело испортишь! Сейчас от этого рыжего все равно подобра-поздорову не отвяжешься!

– Что же делать? У меня уже сил больше нет быть воробьём!

– Что делать? Сбежим по дороге! Жди сигнала! С Баранкиным не пропадёшь!

– Не пропадёшь? Как же! С тобой как раз, того и гляди, пропадёшь! – простонал Костя Малинин., И он оказался прав. Мы действительно с ним чуть-чуть не пропали, и все из-за меня. И зачем я только согласился драться за этот скворечник?!

Сбежать по дороге нам, конечно, не удалось. Рыжий воробей и воробыха всё время внимательно следили за нами и не давали отстать ни на шаг. Дело оборачивалось хуже, чем я предполагал. Если мы ввяжемся против своего желания в драку, то я-то, может быть, и вывернусь, а уж Косте наверняка несдобровать. Он вообще не приспособлен к драке, тем более с воробьями.

Не успел я подумать об этом, как вдруг неожиданно рядом послышалось отчаянное чириканье, и мы всей «семьёй» врзались в стаю воробьёв, дерущихся в каком-то незнакомом саду за тот самый скворечник, о котором мечтали наши «родители».

Я даже не знаю, как это получилось, но мы с Костей внезапно очутились в самой гуще боя, сразу же потеряв из виду рыжего воробья и воробыху.

Справа, слева, сверху и снизу, отчаянно чирикаая, кружились незнакомые воробьи.

Хорошо, что Костя Малинин догадался вцепиться клювом в мой хвост, а то бы мы наверняка потеряли друг друга в этой суматохе.

Тащить Костю на буксире и отбиваться было, конечно, трудновато, но я довольно ловко увёртывался от налетающих на меня воробьёв, осыпая их всякими угрозами и проклятиями.

Я взмывал вверх, падал на крыло, взлетал свечкой, входил в штопор, и наконец-то на бреющем полёте мне удалось выйти из воробьиного окружения.

Костя, увидев, что опасность миновала, отцепился от моего хвоста, и мы вместе что есть духу пустились наутёк от этих проклятуших воробьёв.

– Бей их чем-чем-чем попало! – раздались вдруг за нашими спинами воробьиные голоса.

Я оглянулся и увидел, как от дерущихся отделились четыре воробья и сыпанули за нами вслед...

СОБЫТИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Костя Малинин «начирикался»

- Кон-чится это когда-нибудь или нет? – простонал Малинин, прибавляя ходу.
- Вот эти громче всех чи-рикали! – крикнул кто-то сзади.
- Преследующие нас воробьи стали заходить нам в хвост.
- Ребята! Да ч-то вы! Мы же только чи-рикали! – оправдывался я на лету.
- А за-чем-чем прилетели?
- Ни за чем. Так просто – посмотреть!
- Посмотреть? Вот мы сей-час вам покажем!..

Воробьи стали нагонять нас, и, вероятней всего, они задали бы нам такую взбучку, после которой от нас с Малининым не осталось бы ни пуха ни пера, если бы я не изобрёл на лету один остроумный боевой приём: выбрав удобный момент, я подпустил преследователей к себе поближе, потом совершенно неожиданно перевернулся в воздухе на спину и лягнул одного из нападающих на меня воробьёв ногами – воробей отлетел в сторону и шмякнулся о забор.

Я лягнул другого – и другой отлетел. Так я летел и брыкался до тех пор, пока не разбросал в разные стороны всех преследователей. Противники опешили, совершенно растерялись и стали отставать.

Пользуясь замешательством воробьёв, мы, прибавив ходу, скрылись за деревьями и в изнеможении свалились на первую попавшуюся крышу.

От меня валил пар, а сердце прыгало, как крышка на кипящем чайнике.

– Конечно! – сказал Костя, еле переводя дух. – Ты как хочешь, а я ли-чно на-чи-рикался! Все!

Малинин стукнул клювом по крыше и стал из последних сил ругать меня за то, что я все ему наврал про замечательную жизнь воробьёв.

– А ещё целый месяц наблюдал за ними... – сказал Малинин. – «У них жизнь без забот! У них жизнь без хлопот»!..

– А что я виноват, – сказал я, – если мне так показалось!..

А Костя Малинин сказал:

– Я говорил, что нам надо было сразу в бабочек превратиться. Бабочки и гнёзд не вьют, и кошки их не едят, и питаются они не овсом, а сладким нектаром. Ох, и вкусная, наверное, штука!..

Я промолчал. В жизни бабочек Костя Малинин, конечно, гораздо лучше меня разбирался. У него одно время даже была их целая коллекция, только он её променял на марки. А в бабочках Костя здорово разбирался, даже знал, как зовут каждую и из какого она семейства. Вероятно, Костя был прав и нам действительно следовало сразу же превратиться в бабочек. Заманчиво, конечно, целый день порхать с цветка на цветок и всё время есть сладкое...

И всё же, прежде чем начать превращаться в бабочек, я хотел расспросить Костю поподробнее об их жизни. А то как бы нам не напороться во второй раз...

– А помнишь, нам Нина Николаевна рассказывала, – сказал я, – что бабочки опыляют цветы...

– Ну и пусть опыляют себе! – сказал Костя. – А мы с тобой не будем! Дураков нет!

Несмотря на то что в Костином ответе была своя железная логика, я всё-таки решил ему задать ещё один вопрос:

– А как у бабочек в смысле учёбы? – спросил я. – Может, они тоже чему-нибудь учатся?

– Ты долго мне будешь вопросы задавать? Вон уже кошки появились! – заорал на меня как очумелый Костя Малинин.

Я думал, он меня разыгрывает. Смотрю – из чердачного окна действительно вылезли три кошки, перемазанные углём, и усталились на нас с Костей. Две из них мне были совершенно незнакомы, а третья была наша Муська. Видно, она всё-таки решила меня съесть. Рассуждать больше было некогда.

– К перепревращению в бабочек приготовились! – скомандовал я лихорадочным шёпотом.

– Приготовились! – отозвался Малинин.

– На-чали! – сказал я.

– Как – на-чали?, – сказал Костя Малинин. – А чего говорить? Какие слова?

Действительно, я совсем и забыл, что моё старое воробьиное заклинание совсем не годится для нового превращения в бабочек.

– Сейчас! – сказал я. – Сейчас! Сейчас переделаю...

– Скорей переделывай! – заорал Костя. – Готово! – сказал я. – Повторяй за мной!.. Не

хочу быть воробьём! Хочу быть бабочкой!.. То есть мотыльком!..

*Я уверен, без забот
Мотылёк живёт!
Вот я! Вот я!
Превращаюсь в мотылька!..*

– Нескладно получается! – сказал Костя, глядя в ужасе на приближающихся кошек.

– Вот очутишься в животе у кошки, – сказал я, – тогда складно получится! Повторяй скорее!

И Костя Малинин, закрыв от страха глаза, стал сыпать скороговоркой слова моего нескладного волшебного заклинания, обгоняя меня на каждом слове...

*Я уверен, без забот
Мотылёк живёт!..*

«Только бы успеть! – подумал я. – Только бы успеть превратиться до того, как нас сцапают кошки!..» Это была последняя мысль, мелькнувшая в моей измученной воробьиной голове...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Я – КАПУСТНИК И КОСТЯ – МАХАОН

СОБЫТИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ Вредитель, известный населению

Пока мы с Костей Малининым шептали наперегонки слова заклинания и сосредоточивались, кошки во главе с нашей Муськой тоже не теряли даром времени. Осторожно ступая на лапы, они подкрадывались к нам все ближе.

«Ладно, Муська, – мелькнуло у меня в голове, – если я останусь в живых, я с тобой дома рассчитаюсь!»

Больше о кошках я решил не думать, так как это мне мешало превращаться в бабочку. Теперь я все своё внимание сосредоточил на цветах, на жизни, в которой не надо вить гнёзд или драться за скворечники, а нужно только порхать с цветка на цветок, греться на солнце и есть один сладкий нектар, но вместо этого мне, как назло, в голову всё время лез проклятый овёс и перед глазами продолжали мелькать воробьи, кошки, Венька с рогаткой и всякая подобная чепуха из моей воробьиной жизни.

Я расстроился, открыл глаза и увидел, что расстояние между мною и кошками значительно сократилось, а я как был проклятым воробьём, так им и остался. Тогда я расстроился ещё сильнее и решил больше не закрывать глаза – будь что будет!

Сделав ещё несколько шагов, кошки вдруг остановились и стали о чём-то между собой фыркать и мяукать.

«Совещаются, кому кого есть, – подумал я, – делят двух воробьёв на трёх кошек. Ну и пусть... Теперь уж я наверняка не успею превратиться в бабочку»... На всякий случай я ещё несколько раз мысленно произнёс волшебное заклинание.

*Я уверен, без забот
Мотылёк живёт!
Вот я! Вот я!
Превращаюсь в мотылька!*

Поспорив между собой, кошки разделились: одна стала подкрадываться к Косте, а Муська со своей подружкой направилась ко мне. «Вот хитрюга! Знает, что она одна со мной всё равно не справится... И что я ей такого сделал, – подумал я, не сводя глаз с Муськи, – только один раз чернилами облил, и то нечаянно...»

В трёх шагах от меня Муська и её помощница заперли на месте. Они присели, выгнули спины трамвайной дугой и заурчали. Царапая железную крышу ногтями, приготовились к прыжку. «Собираются прыгать! Значит, мы с Костей не превратились в бабочек, – подумал я. – Не успели! Значит, всё пропало!..» Мне стало холодно. По телу побежали мурашки. Очевидно, это были последние мурашки в моей жизни... Я уже хотел крикнуть: «Прощай, Малинин!

Извини, что я втянул тебя в такую историю!»

Но здесь с кошками случилось что-то непонятное: они выпучили глаза, фыркнули и, вместо того чтобы прыгнуть вперёд, изо всех сил прыгнули в обратную сторону от нас. Шерсть у кошек поднялась дыбом; покрутив очумело головой, все трое ещё раз подскочили на месте и дунули в чердачное окно.

Они исчезли так быстро и неожиданно, словно позади нас с Костей увидели огромную собаку. Я оглянулся – никакой собаки сзади не было. Зато я увидел бабочкины крылья, которые торчали за моей спиной, как два паруса.

Так вот почему кошки так испугались: на их глазах из съедобного воробья я превратился в несъедобную бабочку! Успел всё-таки! Вот здорово! Я в восторге пошевелил маленькими треугольными крыльями и повернулся к Косте Малинину, чтобы поделиться с ним своей радостью, но от неожиданности вытаращил глаза. Рядом со мной, на том самом месте, где несколько минут назад лежал пластом и чуть слышно чирикал полуживой воробей Малинин, теперь сидела прекрасная бабочка с огромными треугольными крыльями чёрно-зелёного цвета.

Такую красивую бабочку я ещё никогда не видел, даже на картинках в книжке.

Не может же быть, что Малинину Косте удалось превратиться в такое красивое насекомое. Нет, эта бабочка безусловно настоящая – сразу видно. А если это настоящая бабочка, то где же тогда мой друг Малинин?.. Уж не свалился ли он от страха с крыши на мостовую. Я посмотрел вниз. А может быть, Костю в суматохе незаметно для меня всё-таки успела сцапать кошка? Я посмотрел в чердачное окно. А может быть, он испугался кошек и перелетел на соседнее дерево? Я повернулся и стал разглядывать растущий рядом с домом тополь.

– Чего ты крутишься, как на уроке? – спросила меня вдруг красивая бабочка голосом Кости Малинина.

Я уставился на бабочку и спросил не своим голосом:

– А ты кто такая?

– Не кто такая, а кто такой!

– А кто ты такой?
– Да ты что, Баранкин, ты нарочно не узнаешь меня, что ли?
– Малинин, это ты?
– А то кто же! Не узнал?
– Да, попробуй тебя узнай! Вот это превратился так превратился! А я уж испугался, думал, с тобой что случилось.
– Как же! Держи карман шире! – сказал Малинин, разводя крыльями.
Я даже не мог отвести от Кости глаз, такой он был необычный.
– Костя, – сказал я, – а как же ты называешься?
– Как я называюсь? Очень просто!.. Сейчас вспомню. Крылья у меня сверху чёрно-зелёные?
– Чёрно-зелёные.
– А с обратной стороны?
– Коричневато-чёрные.
– С золотыми точками?
– С точками... И ещё на каждом крыле по половине луны и по целой радуге.
– Всё ясно! Я превратился в махаона из семейства парусников.
– А я?
– А ты превратился в этого... Ну-ка, повернись! Я повернулся. Малинин критически осмотрел меня с ног до головы.
– Так... – сказал он. – Крылья у тебя маленькие, жёлтенькие с чёрными пятнышками. Понятно. Ты превратился в этого... во вредителя.
– В какого вредителя?
– В огородного. Известного населению под названием капустник из семейства белянок...
– Вот тебе раз! А почему я превратился в капустника, а ты – в махаона?
– «Почему, почему»! Откуда я знаю! Наверное, потому что махаоны водятся на Дальнем Востоке, а я жил три года в Хабаровске. А ты водишься в средней полосе России.
– А это точно?
– Точно! У меня же коллекция была! Я все породы бабочек знаю... Я – махаон, а ты – вредитель...
– «Вредитель»! От тебя очень много пользы! Если хочешь знать, так капустником быть даже лучше, чем махаоном.
– Это почему же?
– Потому что у тебя крылья расфуфыренные, как у девчонки. Мне, например, с такими крыльями было бы просто стыдно появиться среди ребят... то есть среди мотыльков.
– Стыдно – и появляйся на своих!
– И появлюсь!
Я взлетел над крышей и сделал пробный круг возле чердачного окна. Крылья у меня были, конечно, не такие удобные и прочные, как у воробья, но летать на них было можно.
– Ну как? – спросил меня Костя.
– Порядок! – ответил я. – Только есть очень хочется.
– Ну, это дело поправимое, – сказал Малинин. – Сейчас я тебя угощу нектаром. Нектар пить – это тебе не овёс клевать! Это, брат, знаешь какая вкусная штука!.. Пальчики оближешь! Летим скорее!

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТОЕ «Спящая красавица»

Мы с Костей сделали ещё один прощальный разворот над чердаком и уже хотели лететь за нектаром, как вдруг Костя Малинин заметил на стене дома маленькую жёлтенькую бабочку. Она сидела под железным жёлобом, вцепившись лапками в кирпичную стенку, сложив крылья, как прочитанную книгу.

– Настоящая! – сказал Костя Малинин. – Не то что мы с тобой! Привет бабочкам! – крикнул он, помахав в воздухе лапкой. – Это крушинница.
– Ну и пусть! – сказал я. – Давай скорее – летим за нектаром!
– Подожди! Надо с ней познакомиться!
– Вот не было печали! Эх ты, девчатник!
– Здравствуйте, бабочка! – сказал Костя Малинин, цепляясь за стенку рядом с крушинницей.
– Костя-махаон – девчатник! Костя-махаон – девчатник! – стал дразнить я Малинина, летая над самой его головой.

– Привет крушинникам! – сказал Костя.

– Позор девчатникам! – сказал я.

Костя ещё раз поздоровался с бабочкой, но она продолжала сидеть молча и неподвижно, не обращая на Малинина никакого внимания.

– Воображает из себя! – сказал я. – Так тебе и надо.

– Да нет, она не воображает, – сказал Костя, внимательно разглядывая крушинницу. – Она спит.

– Спящая красавица! Понятно. Проснитесь, спящая красавица! С вами хочет познакомиться сам Костя-махаон из семейства парусников!

Я сел рядом со спящей бабочкой и потормошил её лапкой.

– Бесполезно! – сказал Костя. – Теперь её из пушки не разбудишь. Она ведь на всю зиму уснула.

– Почему это – на всю зиму?

– Потому что у них, у бабочек, такой закон природы!

– Чего ты врешь, Малинин, какой ещё закон природы?

– Да честное слово! Все бабочки осенью умирают или засыпают до самой весны. У них даже расписание есть, когда кому засыпать.

– Подожди, а как же мы с тобой? – встревожился я.

– Что – мы?

– Мы с тобой тоже бабочки, значит, мы тоже заснём по расписанию?

– Вообще-то раз мы бабочки, значит, тоже, наверное, должны уснуть... когда-нибудь.

Меня это «открытие» просто ошеломило.

– Так зачем же мы тогда с тобой превращались в бабочек? – заорал я на Костю. – Если мы каждую минуту можем заснуть, да ещё на всю зиму! Мы же на один день только превратились, а уснём вдруг – и каникулы зимние проспим, и на коньках не покатаемся, и в хоккей не поиграем. Эх, Малинин, Малинин!

– Чего ты психуешь? – сказал Костя. – Тебе же пока спать не хочется?

– Нет ещё.

– Ну и летим за нектаром, а там будет видно.

– Что значит «там будет видно»? А если я усну на лету и проснусь только весной, превращусь в человека, а на экзаменах что буду делать? По всем предметам двоек нахватаю из-за тебя.

– Подумаешь, – сказал Костя, – дома его спать не уложишь, а здесь он, видите ли, боится на лету уснуть. Не бойся, не уснёшь. Я отвечаю!

– Не усну?

– Конечно, не уснёшь. Осенью засыпают какие бабочки? Обыкновенные. А мы с тобой бабочки необыкновенные.

– А какие же мы?

– Мы с тобой человекообразные бабочки, вот какие! – заорал на меня Малинин.

– Ну и что? – заорал я на Малинина.

– А то, что на человекообразных бабочек этот закон природы, может быть, не распространяется!

– Не распространяется, а может быть, и распространяется!

Я хотел ещё немного поругать Костю Малинина за его легкомыслие и особенно за то, что он имел коллекцию бабочек, а скрыл от меня такой ужасный закон природы, но в это время над нами, шумя крыльями, пролетел воробей и тут же вернулся обратно.

При виде воробья Малинин почему-то сразу перестал на меня орать, съёжился и полез прятаться под крышу.

Воробей прицепился к стенке недалеко от меня и нацелился на меня одним глазом. Лицо воробья показалось мне почему-то очень знакомым. Когда он повернулся ко мне боком, я увидел, что у воробья нет хвоста. Теперь я его узнал сразу: это был тот самый куций воробей, с которым я подрался на дворе из-за овса.

– Здорово, чепчик! – крикнул я своему старому знакомому. – Ты на меня не сердишься?

– Баранкин, прячься сейчас же! – услышал я за спиной Костин голос. – Он тебя склюёт!

– Кто это меня склюёт? – не успел я крикнуть, как выскочивший из-под крыши Малинин схватил меня за лапу и утащил под железный жёлоб.

В эту же секунду бесхвостый воробей оказался на моём месте. Обнаружив моё исчезновение, он повертел во все стороны головой, подобрался к спящей крушиннице, внимательно её осмотрел, клюнул, моментально проглотил и полетел как ни в чём не бывало дальше.

Я посмотрел из-под крыши вслед улетающему воробью, потом уставился на Малинина.

– Я тебя забыл предупредить, Баранкин, – сказал Костя виноватым голосом, – что настоящие воробьи очень любят есть бабочек, так что ты не очень-то старайся попадаться им на глаза...

Мне, конечно, очень хотелось высказать Косте всё, что я думал в эту минуту и о нём, и о жизни бабочек, но я молча сложил лапы на груди и сдержался. В конце концов я не Малинин, это он расхныкался, когда устал быть воробьём. А я Баранкин! Уж если я превратился в бабочку, то я все трудности и всякие нечеловеческие мучения буду переживать молча, как настоящий мужчина. Тем более, что у меня и сил-то не было ругаться с Малининым, так мне хотелось есть в эту минуту.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Кепка-зенитка

Подождав, пока воробей улетит подальше, мы Костей осторожно вылетели из-под крыши и напра-вились за нектаром к видневшейся внизу клумбе с цветами.

– Птицы только сверху опасны, – сказал Малинин, – а к земле чем ближе, тем безопаснее. В крайнем случае, увидишь воробья – маскируйся.

«Маскируйся!» А если, пока я буду есть нектар, меня самого съедят, тогда что?..» Меня так и подмывало задать этот вопрос Малинину, но я снова сдержался и промолчал. Цветов на клумбе было очень много – и красных, и белых, и синих, – и от всех шёл такой чудесный нектарный запах, как от маминого печенья на кухне.

У меня от одного запаха нектара слюнки потекли и даже голова закружилась. Я уже не слушал, что говорит мне Костя. Я самостоятельно выбрал самый большой цветок и закружился над ним, выбирая место для посадки.

– Дави его! – раздался внезапно за моей спиной чей-то пронзительный голос.

Я перевернулся в воздухе и увидел невдалеке двух мальчишек с лопатами; они размахивали кепками и бежали по направлению ко мне, громко топая ногами.

– Это непарный шелкопряд! Дави! Я его знаю! – крикнул один из них и, заложив пальцы в рот, оглушительно свистнул.

Так как я, по словам Кости, был капустник и к непарному шелкопряду не имел никакого отношения, то я не обратил на крики ребят никакого внимания. Я опять спокойно перевернулся в воздухе и снова закружился над тем самым большим цветком, от которого так вкусно пахло нектаром. В это время сзади меня накрыла огромная тень, что-то свистнуло возле крыла и сильным толчком воздуха бросило на землю.

– Ур-ра! Сбили! – закричал один из мальчишек, закружив кепку над головой.

Голос этого мальчишки мне показался знакомым.

– Нет, не сбили! – сказал другой мальчишка. – Он спрятался среди цветов! Ищи!..

И второго мальчишки голос мне тоже показался знакомым. Я присмотрелся получше к истребителям непарных шелкопрядов и узнал в них своих одноклассников – Веньку Смирнова, того самого Веньку, что стрелял в нас с Костей из рогатки, когда мы были ещё воробьями, и Генку Коромыслова, Венькиного прихлебателя.

«Ладно, Венька! – подумал я про себя. – Твоё счастье, что я сейчас бабочка, а то бы я рассчитался с тобой за все!» Тем временем Венька и Генка стали рыскать по траве и искать меня среди цветов. Но я не растерялся. Я, как только упал на землю, сразу же сложил крылья вместе и сделал вид, что я не бабочка, а сухой берёзовый листик. Ребята топтались рядом со мной, один из них даже отшвырнул меня носком ботинка. Подождав, когда они повернутся ко мне спиной, я подпрыгнул на крыльях и взлетел.

– Вот он! – заорали истребители непарных шелкопрядов, но было уже поздно.

Я уже взмыл высоко в воздух и оказался рядом с Малининым.

– Я тебе кричу: «Улетай!» – завопил на меня перепуганный Костя, – а ты в цветок лезешь!

– Так ведь они кричали: «Дави шелкопряда!» – а ты сказал, что я капустник!

– Больно эти оболтусы в бабочках разбираются! – сказал Костя, опускаясь на электрические часы, висевшие на столбе над клумбой.

Я посмотрел, который час, и почесал лапкой затылок. На часах было уже ровно двенадцать, а наша жизнь опять шла совсем не так, как её расписывал Костя Малинин. Есть хотелось все больше и больше, а Венька с Генкой так и не отходили от клумбы. Они подмигивали мне, махали руками, кивали головой и терпеливо ждали, когда я снова спущусь

на клумбу. Как же, нашли дурака! Я думал, что им всё-таки надоест ждать и они уйдут, и тогда уж мы с Костей наедемся нектара, но эти лоботрясы стали опять свистеть, размахивать кепками и называть меня всякими обидными именами и прозвищами.

– От вредителей слышу! – крикнул я, разозлившись. – Зинка Фокина вас в саду на воскресник ждёт, а вы здесь с бабочками прохлаждаетесь.

После этого Генка запустил в нас кепкой, а Венька полез на столб и сорвался.

– Здесь не позавтракаешь! – сказал Костя так, словно он знал, о чём я в эту минуту думаю.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Прощайте, ребята! Может, больше не увидимся...

– Знаешь что, – сказал я Косте, – давай лучше слетаем на какой-нибудь огород. Там сейчас хорошо, все поспело: и репа, и морковь, и капуста! И цветы там есть. И народу не так много.

– Эх ты, капустник несчастный, – сказал Костя, – с тобой сейчас нельзя лететь на огород.

– Почему?

– Потому что сейчас на всех огородах таких вредителей, как ты, травят.

– Чем травят?

– Чем? Разными химическими ядами... После таких слов у меня просто крылья опустились и перед глазами поплыли какие-то разноцветные круги.

– Что же это получается? – возмутился я. – На улице, того и гляди, крылья оборвут, в огороде травят, в небе воробы клюют... Для чего же мы тогда превращались с тобой в бабочек? Чтобы с голодудохнуть?

– Ладно, Баранкин, – сказал Костя, – не расстраивайся. Угощу я тебя нектаром! Полетели!

– Куда полетели?

– В школьный сад!

– Там же ребята деревья сажают!

– Вот и хорошо! Мы там и нектара в цветнике наедемся и заодно с нашими ребятами увидимся...

Костя Малинин сказал это так, словно он очень соскучился по нашему классу.

– В школу так в школу! – сказал я.

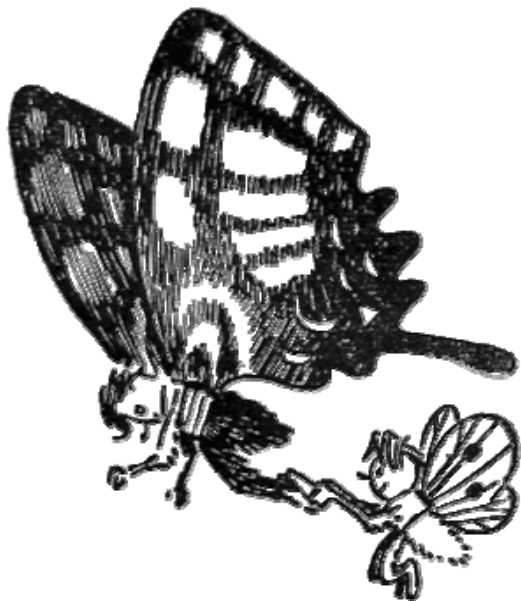
Мне и самому тоже почему-то захотелось увидеться с ребятами из нашего класса. Даже не знаю почему. И, хотя в эту минуту мне больше всего на свете хотелось есть, мне вдруг гораздо больше захотелось просто пролететь мимо нашей школы, мимо родного класса, с которым у меня было связано столько замечательных воспоминаний!.. Кто сказал «замечательных»? Что это со мной происходит? Я, кажется, начинаю уже сходить с ума от этого голода. Чтобы прийти в себя, я взял и встряхнулся, как собака после купания. И правильно сделал, потому что после встряхивания все мои жалобные мысли, как брызги, разлетелись в разные стороны и мне сразу же стало легче. И теперь я мог думать о встрече мужественно, без всяких переживаний, не то что Костя Малинин. У него, как только он заговорил о ребятах, глаза сделались какие-то большие-пребольшие и, по-моему, даже мокрые-премокрые.

– Там и позавтракаем, – сказал грустно Костя Малинин.

– И пообедаем, и поужинаем, – сказал я бодрым голосом, чувствуя, что одного завтрака мне будет маловато.

Спорхнув с часов, мы наперегонки полетели к школьному саду. Первый раз в жизни мы мчались в школу с Костей Малининым с такой скоростью, с какой обычно спешили из школы домой. Я, конечно, был уверен, что я прилечу в сад первым. Каково же было моё удивление, когда я сразу же отстал от Малинина на три дома. Я сначала даже не поверил своим глазам. У нас в классе Костя считался самым слабосильным парнем, а со мной на уроках физкультуры даже никто не пытался тягаться. Уж по физкультуре у меня в дневнике всегда была пятёрка (только моя мать почему-то никогда не считала эту пятёрку настоящей). Я решил поднажать и замахал своими жёлтыми треугольниками как сумасшедший, но и это не помогло ни капельки. На своих расфуфыренных крыльях Костя-махаон летел, как по линейке, а я всё время проваливался в какие-то воздушные ямы, шатался из стороны в сторону, кувырчался и падал то на одно крыло, то на другое.

Заметив, что я отстал, Костя Малинин, к моему стыду, вернулся обратно и сказал мне, Баранкину, первому силачу в классе, слова, которые я не забуду никогда в жизни: «Эй ты, капустник! Ты не можешь лететь побыстрее? Что ты всё время отстаёшь?» Сказав это, он назло мне опять легко обогнал меня, потом опять вернулся, опять обогнал, крикнул: «Баранкин! Ты что летишь, как пирог с капустой? Жми на все педали! Нектар близко!» Этих слов я Малинину тоже никогда не забуду.

Когда он, загребая своими крыльями, как вёслами, ещё раз пролетел, торжествуя, надо мной, я взял и схватил его за задние лапы и таким образом прицепился к Малинину на буксир. Убедившись, что я больше от него не отстану, Костя перестал осыпать меня всякими ядовитыми словечками, и, как ни пробовал от меня оторваться, теперь у него из этого ничего не получалось.

– Что-то тяжело лететь стало! – сказал Костя.

– А по-моему, лететь стало гораздо легче! – сказал я и подумал про себя: «Пусть Костя поработает за двоих, раз у него такие крылья. Я же таскал его на своём хвосте, когда был воробьём, теперь могу и отдохнуть немного».

Сложив крылья, я скользил по воздуху вслед за Малининым, для вида изредка помахивая своими равнобедренными треугольниками. Так, на буксире, Костя доставил меня до самой школы, до того места, где в школьном саду наш класс сажал деревья.

– Тормози! Приехали! – крикнул я Косте, когда он, пытаясь, перетянул меня через верхушку дерева и потащил мимо

ограды к кирпичному зданию нашей школы.

Опустившись на один из подоконников на высоте третьего этажа, мы подползли к самому краю и, посмотрели вниз. В саду кипела работа. Ребята, весело переговариваясь, копали ямки, другие бережно опускали в землю саженцы и поливали их из леек водой. Костя Сергеев нарочно перемазался весь землёй и строил всякие рожи. И все смеялись. Все были довольны! И всем было хорошо!

– Ну и пусть работают! – сказал Костя. – Они работают, а мы будем есть нектар. Если бы они узнали, что мы сейчас будем есть настоящий нектар, они бы нам наверняка позавидовали...

– Кому это – нам? – спросил я.

– Нам, бабочкам... – сказал Костя Малинин неуверенным голосом.

Я вспомнил «спящую красавицу», которую склевал бесхвостый воробей, прислушался к урчанию в своём голодном желудке, посмотрел с ненавистью на воробьёв, шныряющих с ветки на ветку в школьном саду, и сказал:

– Да уж, конечно. Они бы нам позавидовали... – Я сказал это без всякого энтузиазма, отвернулся от ребят и увидел, как в школьные ворота влетели на велосипеде Мишка Яковлев и Алик Новиков (он сидел на багажнике).

Что-то громко крича, они подкатили прямо к Зинке Фокиной и, соскочив на землю, стали о чём-то рассказывать ей и окружившим её ребятам. В саду наступила тишина. Никто внизу больше не смеялся, не шутил, а Костя Сергеев даже вытер платком с лица землю и перестал кривляться.

– Что-нибудь случилось, – сказал Костя.

Я промолчал. Мишка и Алик, поговорив со старостой нашего класса, снова сели на велосипед и укатили. Зинка Фокина посмотрела из-под руки им вслед, затем подозвала к себе ещё троих наших ребят, отобрала у них лопаты и дала какое-то задание.

Ребята выбежали на улицу и разошлись в разные стороны.

– Ищут кого-то... – сказал Малинин.

– Не кого-то, а нас с тобой! – сказал я Косте.

– Ну и пусть! – сказал Костя. – Они будут искать, а мы будем есть нектар. Полетели!

Я промолчал. Есть, конечно, хотелось все сильнее и сильнее, и нектар был близок... Но воробьи тоже были совсем рядом, и их чириканье совершенно отбивало у меня всякий аппетит.

«Как бы они нас не склевали с Костей...» – подумал я, глядя на воробьёв, шныряющих среди клумб с цветами. Подумал я об одном, а сказал, конечно, совсем другое.

– Летим! – сказал я громко и решительно и добавил тихо про себя: «Прощайте, ребята!

Если нас с Костей склюют воробьи, то мы, наверное, больше никогда не увидимся!..»

Нацелившись на клумбу с цветами, я распустил крылья и прыгнул ласточкой с подоконника вниз, словно с купальной вышки в холодную воду...

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ Противочихательная прививка

В воздухе от цветов опять запахло вкусным нектаром, словно на кухне от маминого печенья. У меня потекли слюнки и опять закружилась голова. Я сложил крылья, нацелился в середину самого большого цветка и нырнул в него вниз головой, но промахнулся (неудивительно!) и воткнулся в траву по самые пятки своих задних ног. Пришлось выбираться из травы и начинать все сначала. На этот раз я забрался на цветок по стеблю и запустил хоботок в самую середину цветка, туда, где, по моим расчётам, должен был находиться нектар. Однако долгожданного нектара в цветке не оказалось. Запах нектара был, а самого нектара не было. Пахло хорошо, точь-в-точь как в мамином пустом флакончике из-под духов, а поживиться было нечем. Тогда я взял и забрался в цветок прямо с головой, так что у меня наружу только одни крылья и ноги торчали, стал шарить в темноте хоботком по стенкам, но в это самое время из цветка кто-то полез мне навстречу.

Я решил, что это какая-нибудь посторонняя бабочка успела раньше меня забраться в цветок и слопать весь нектар. От одной этой мысли меня прямо зло разобрало. Ты из-за этого нектара, можно сказать, жизнью рискуешь, а у тебя его из-под самого носа слизывают. Я взял и боднул бабочку головой. Бабочка угрожающе загудела и боднула меня, затем она упёрлась своей головой в мою голову и выдавила меня из цветка наружу, как зубную пасту из тюбика. Я со злости ударил крыльями по тычинкам с такой силой, что цветочная пыльца поднялась столбом и окутала меня, словно облаком. Я от этой пыльцы чуть не задохнулся.

– Ладно, бабочка, – сказал я, разгоняя крыльями пыльцу, – только появишься на свет, я тебе все ноги... А-а-п-чихи!!! Я тебе покажу, как чужой нектар... А-а-п-чихи!.. Пока я чихал, смотрю – из цветка вылезает... только не бабочка, а пчела, самая настоящая пчела, вся полосатая, словно она в пижаме. Вылезла это она из цветка и уставилась на меня своими буркалами. Она на меня смотрит, а я сижу на краю цветка и чихаю на неё и, главное, удержаться никак не могу. А пчела, видно, так растерялась, что даже гудеть перестала. Я чихаю, а она лапой утирается, я чихаю, а она утирается и молчит. Раз десять я, наверное, на пчелу чихнул, не меньше, а потом опомнился и даже в ужас пришёл. «Баранкин, – сказал я сам себе, – на кого ты чихаешь, Баранкин? Ты на пчелу чихаешь, несчастный капустник... Вот она сейчас тебе... ап-чихи!.., как сделает противочихательную прививку, тогда ты будешь знать... ап-чихи!.., как чихать на пчёл!.. Тебя ведь в деревне, когда ты был человеком, кусали один раз пчелы, так что ты... ап-чихи!.. знаешь, чем это пахнет?..»

«Знаю!» – ответил я сам себе и, как сидел на краю цветка, так и повалился навзничь в траву.

Перевернувшись несколько раз через голову и смотав поскорее свой пустой хоботок, я выровнял над самой травой полет и стал улепётывать от пчелы в кусты, подальше от цветочных клумб, через дорожку, за деревья, туда, где среди стволов мелькало что-то пёстрое, похожее на крылья Кости Малинина.

Я думал, что Малинин позорно бросил меня одного посреди клумбы: оказывается, его в кусты тоже загнала пчела, она и сейчас все ещё металась за ним и что-то грозно гудела на своём пчелином языке.

«Так ему и надо! – подумал я, наблюдая, как пчела усердно гоняется за Костей. – Жалко, что пчела только одна. Я бы сейчас сам напустил на Малинина ещё штук сто пчёл, чтобы он в следующий раз не болтал языком и не вводил в заблуждение своих товарищей. «Будем порхать с цветка на цветок!.. Нектара наедемся!..» Вот и пусть сейчас его пчела угостит таким «нектаром», чтоб ему в другой раз не захотелось больше превращаться в бабочку... Ап-чи!»

– Спасите! – закричал в это время Малинин. – Баранкин! Где ты? Ой, мама!

Мне хотелось, чтобы пчела подольше погонялась за Костей и как следует его проучила, но, когда он закричал, да ещё таким жалобным голосом, мне его даже жалко стало. И потом я вспомнил, что Малинин не человек, а бабочка. Его пчела ужалит, а он возьмёт и заболеет или, того хуже, умрёт от пчелиного яда. Что я с ним тогда буду делать?.. Я ведь не знаю, как бабочки переносят укусы пчёл, а может быть, они их вообще не переносят...

Схватив в лапы лёгонький сучок, я подлетел к пчеле сзади и изо всех сил ударил её по голове. Оглушённая ударом, пчела свалилась в кусты, а у меня от голода потемнело в глазах, и я, кренясь на один бок, стал падать в траву...

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТОЕ

Я понимаю свою ошибку, но в действие вступает ужасный закон природы

Когда я открыл глаза, я увидел, что лежу на берегу большой лужи, а возле меня сидит мой лучший друг Малинин и обмахивает меня своими расписными крыльями.

– Что с тобой? – спросил меня Костя.

– Так, полежать захотелось... – сказал я. – Ап-чи!.. Что такое? Никак не могу прочихаться!..

– Знаешь, где ещё можно поесть нектара? – сказал Костя.

– Иди ты со своим нектаром знаешь куда... Ап-чи!.. – Я смерил Малинина презрительным взглядом с ног до головы и чуть не расхохотался.

Он сидел на берегу лужи, весь перемазанный цветочной пылью, одно крыло у него торчало торчком, а другое повисло, как ухо у собаки. И вид у него был такой несчастный-пренесчастный, что мне его опять стало ужасно жалко, но на этот раз я взял себя в руки.

Собрав последние силы, я пополз молча к луже и стал с наслаждением пить из неё обыкновенную дождевую воду.

Малинин попробовал ещё раз заговорить со мной, но я теперь на все его вопросы отвечал молчанием. Я решил с ним вообще больше никогда в жизни не разговаривать.

Я демонстративно пил из лужи сырую воду (это вместо обещанного нектара!) и размышлял. Неужели я всё-таки ошибся? Да нет, не может же быть, чтобы на земле не было такой жизни, о которой я мечтал там, на лавочке во дворе. Есть такая жизнь, и я её во что бы то ни стало найду! Просто мы с Малининым Костей, очевидно, не там её искали. Конечно, наше превращение в бабочек и воробьёв было ошибкой. Теперь-то уж это было совершенно ясно. Их жизнь выглядела только со стороны прекрасной, а на самом деле при ближайшем рассмотрении она оказалась просто невыносимой. Но почему? Я сидел, молча пил воду, думал, думал и решил, что такой жизни, о которой мы мечтали с Костей, наверное, вообще на земле нет..

В это время мимо меня пробежал по берегу лужи муравей. Муравей то бежал, то останавливался, а я смотрел на него и продолжал мучительно думать: «...Если такой жизни нет на земле, то, может быть, она есть ТАМ, под землёй, и, если от всяких хлопот и забот нельзя улететь, так, может, от них можно просто взять и спрятаться, взять и скрыться от них, предположим, в том же муравейнике...» Я проводил взглядом муравья и с сомнением покачал головой. Спрятаться в муравейнике, конечно, можно, а как быть с муравьями? Они же, можно сказать, знаменитые работяги. Сколько я ни наблюдал за ними, никогда я не видел, чтобы муравьи просто сидели бы на месте и ничего не делали. Всё время они или куда-то бегут, или откуда-то возвращаются и всегда с собой тащат или какой-нибудь листик, или комочек земли, или хвойную иголку... И на муравейник как ни посмотришь, всё время они его ремонтируют, с

утра до вечера... Вот так превратишься в муравьёв, а они возьмут и заставят вместе с ними пыhtеть на строительстве... Нет, уж лучше ещё раз превратиться во что-нибудь другое, только не в муравья!.. А в кого? В кого же всё-таки нужно превратиться так, чтобы опять не влопаться в эти ужасные перепалки и передраги, из которых мы с Костей еле ноги унесли? В кого же надо превратиться? В кого?..»

И тут я вдруг неожиданно вспомнил, как в тот злополучный день на общем собрании Алик Новиков почему-то обозвал нас трутнями! Тру-тня-ми! Минуточку! Минуточку! А что такое трутни? А трутни – это, между прочим, и есть такие существа, которые ведут такую жизнь, о которой мы мечтали с Костей на лавочке! Тогда почему же мы превращались в воробьёв и в бабочек? Вот дураки! Какие же мы с Костей были беспросветные дураки!

– Малинин! – закричал я (когда я понял нашу ошибку, я, конечно, сразу же перестал сердиться на Костю и решил тотчас же поделиться с ним своим открытием). – Малинин! – закричал я. – Ох, и дураки мы с тобой, Малинин!

– Конечно, дураки! – согласился со мной охотно Малинин. – Особенно ты, Баранкин!..

– Да я-то, я просто круглый идиот, Малинин! И как это мне сразу в голову не пришло!.. Сколько зря времени потеряли!

– Вот именно! – отозвался Костя.

– И зачем нам надо было превращаться с тобой в воробьёв и бабочек?

– Вот я тебя и хочу об этом спросить, Баранкин! – сказал Малинин. – Зачем нам надо было с тобой превращаться в бабочек и воробьёв?

– Когда нам надо было сразу же превратиться в трутней!

– Как – в трутней? Почему – в трутней? – закричал Костя Малинин испуганным голосом.

– Потому – в трутней, что трутни потому и называются трутнями, что они в жизни ничего не делают или делают только то, что им захочется! А ведь это и есть наша с тобой мечта, Малинин!

– Знаешь, Баранкин! – сказал Малинин каким-то противным голосом. – Я из-за тебя уже столько истратил сил на то, чтобы ничего не делать, что уж лучше бы я всё это время что-нибудь делал!..

– Малинин! – закричал я. – Но ведь я тоже не меньше твоего на это сил потратил! А теперь мы с тобой превратимся в трутней и от всего этого и отдохнём!

– Как – превратимся! – завопил Костя Малинин. – Опять превратимся?.. Ну знаешь, Баранкин! Хватит с меня, Баранкин! Я и так за эти два раза напревращался по горло!

– Костенька! Так ведь те же два раза не в счёт! Раз не в того, в кого надо, превращались, значит, не считается ведь!

– Почему это – не считается?

– Потому что надо же нам в конце концов превратиться в того, в кого надо было превратиться... А превратиться нам надо было в трут-ней!..

– Да в каких трутней?.. – спросил Костя вдруг каким-то спокойным и даже безразличным тоном.

– Ну что ты? – сказал я. – Что ты, не знаешь, что ли, какие бывают из себя трутни?

– Не знаю я, какие из себя бывают трутни, – ответил Малинин, почему-то потягиваясь и зевая.

– Ну что ты, Костя, – сказал я, немного растерявшись, – ты должен знать, какие бывают они из себя...

– Почему это я должен?.. А ты сам-то, Баранкин, знаешь?..

Я хотел по инерции закричать, что я, конечно, знаю, какие трутни бывают из себя, но поперхнулся и ничего не сказал, потому что, честно говоря, я... я не имел ни малейшего представления о том, как выглядят эти самые изумительные трутни, в которых нам давно бы следовало превратиться с Костей Малининым! Вместо этого я произнёс совсем другое.

* * *

– Ну что ты, Малинин, – сказал я, – помнишь, нам Нина Николаевна рассказывала про трутней и рисунки показывала...

– Не помню, – сказал Малинин, – и ты не можешь помнить...

– Это почему?

– Потому что на этом уроке мы с тобой вместе изобретали новый язык...

Это правда, на том уроке мы с Костей действительно оба не слушали Нину Николаевну: в это время мы изобретали новый язык. Задача была трудная, нужно было изобрести такой язык, который на всём земном шаре понимали бы только два человека – я и Костя Малинин. Поэтому

нам, конечно, было не до Нины Николаевны и не до трутней...

- Подожди, Малинин, – сказал я, – но ты же иногда посматривал на доску?
- Ну и что?
- Так, может, ты хоть случайно запомнил, как выглядят эти трутни?..
- Ничего я не запомнил, – сказал Малинин, снова потягиваясь и зевая.
- А ты, может, мне это нарочно говоришь, чтоб не превращаться в трутней?
- Да честное слово!!!

Это был ужасный удар Ни я, ни Малинин не имели ни малейшего представления о том, как выглядят трутни, в которых нам следовало превратиться.

Это что же получается?. Значит, перепреобразование отменяется?! Значит, перепреобразование не состоится? ! А как же ОНО может состояться, Баранкин, если ты не представляешь, как выглядит ТО, во ЧТО ты должен перевоплотиться!

И зачем только я на том уроке занимался посторонним делом! Эх, Баранкин, Баранкин! Нину Николаевну надо было слушать, а не новый язык изобретать!

– Тру., тру... тру... – вдруг ни с того ни с сего забормотал Малинин себе под нос. – Вспомнил, вспомнил... Пчёлки такие маленькие... с кры... с кры... с кры...

С этими словами Малинин как-то странно закачался и стал валиться на бок.

– С кры... с кры... с кры... с крыльями! – подхватил я. – Правильно, Малинин!..

Теперь я тоже вспомнил, вспомнил рисунок трутней, что висел на доске в нашем классе. Это были пчелы, такие маленькие пчелы нашего мужского, как говорится, рода с небольшими прозрачными крылышками...

Все!!! Вот теперь наконец-то мы отдохнём с Костей по-настоящему, как полагается! Отдохнём от всего на свете. Все надежды, весь мой энтузиазм и даже впустую растроченные силы – все, всё вернулось ко мне!

– Вставай, Малинин! – закричал я на Костю. – Нечего тебе тут разлёживаться! Работать надо! – сказал я, подразумевая под словом «работать» то самое единственно правильное, единственно верное, единственно целесообразное превращение в трутней, которое предстояло нам сейчас совершить с Костей Малининым.

– Вставай же, Малинин! – завопил я не своим голосом, весь дрожа от нетерпения и желания поскорей пополнить Костиной и моей персоной ряды трутней на земном шаре.

Однако мои радостные крики почему-то не произвели на Костю никакого впечатления.

Малинин, все ещё продолжая лежать на боку, что-то забормотал мне в ответ, но я не понял ни одного слова.

– Что ты говоришь? – спросил я его.

– Хр-ры... – сказал Костя.

– Костя, да что с тобой? – закричал я на Малинина изо всех сил и стал трясти его за лапу. – Ты что?.. Ты притворяешься, что спишь, что ли? Значит, не хочешь всё-таки превращаться в трутней! Ну и чёрт с тобой! Я и один могу!

– Хр-ры! – отозвался Малинин и тут же начал чуть слышно бормотать такую чепуху, что я сразу понял: Костя не притворяется, он спит!

Костя Малинин спит! Он уснул. Вспомнил про трутней и уснул в последний момент! Уснул в такую минуту! Перед таким превращением! Уснул по всем ужасным правилам и законам природы, по которым осенью засыпают все настоящие бабочки... Уснул и даже не предупредил меня, а ещё говорил, что этот «закон» на нас, на человекообразных бабочек, не распространяется, а сам взял и уснул, как та самая «спящая красавица», которую склевал воробей... Хорошо, что поблизости нет воробьёв... Нет! Пока нет, а долго ли им появиться? Надо будить Костю Малинина, скорее будить... Будить, пока не поздно, пока не появились проклятые воробьи!

Я теребил Костю за лапы, я толкал его в бок, я дёргал его за крылья, но всё было напрасно – Костя Малинин не просыпался. Мне стало не по себе.

– Костя! – заорал я. – Проснись сейчас же! Слышишь? Или мы с тобой на всю жизнь поссоримся!

– Хр-р-ры... – сказал Костя Малинин.

«Если он заснул как человек, то я его, конечно, разбужу, – подумал я, – а если он заснул как бабочка, до самой весны, да ещё по расписанию, то я его все равно разбужу! Я должен его разбудить во что бы то ни стало! Надо ему... Что ему надо?.. Нет, надо его!.. Что его надо?.. Знаю!.. Надо его облить водой!..»

Я слетел с камушка к луже и стал набирать через хоботок воду и тут услышал приближающиеся из-за кустов голоса ребят из нашего класса...

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Такая «бабочка», как я, у них в коллекции есть

– Несправедливо! – сказал Костя Семёнов, появляясь из-за куста. – Мы здесь все работаем, а Ба-ранкин с Малининым где-нибудь в кино сидят... Все зашумели, а я подумал про себя: «Вам бы такую картину показать, какую мы с Костей видели!..»

– Правильно говорит Семёнов! – сказала Вера Большова. – Если работать, так всем, а не работать, так тоже всем...

– Баранкин с Малининым сбежали, а Смирнов и Пенкин вообще не явились! – сказал Костя Семёнов.

«Вот ещё не вовремя припёрлись сюда, – подумал я, прячась за кустик травы, – интересно, долго они собираются здесь торчать или нет?..»

– Да выгнать этого Баранкина из школы, и все! – закричала Эрка не своим голосом. – Хватит с ним нянчиться!..

– Куда его выгнать? – сказала Фокина. – На улицу, что ли?

– Почему – на улицу? – ответила Кузякина. – Перевести в триста пятнадцатую школу...

– А почему в триста пятнадцатую? – спросил Семёнов.

– Потому что мы с этой школой соревнуемся... Вот и пусть Баранкин там получает двойки! Нам это будет даже выгодно!..

– Значит, ты, Эра, предлагаешь перевести в другую школу Юрины двойки? – сказала Фокина. – А что с Баранкиным делать?

– Ладно, вы тут разбирайтесь, а мы пошли газировки выпить! – сказал Костя Семёнов.

– Надоело про этого Баранкина слушать, – добавил Валя Череваткин. – Пошли.

– Юннатов прошу остаться! – сказала Фокина. Часть ребят ушла, а девочки расселись на полянке вокруг Зины Фокиной, хихикая и о чём-то переговариваясь между собой.

– Тише, девочки! – сказала Зинка Фокина, раскрывая толстую книгу. – Не отвлекайтесь, пожалуйста! Темой нашего сегодняшнего занятия являются...

– Бабочки! Бабочки! – заверещали девочки все вместе, размахивая сачками.

– Правильно! Бабочки! – подтвердила Зинка и стала листать книгу.

Бабочки? Это что значит? Это значит... Я и Костя – тема сегодняшнего занятия... Ну, знаете! Я чуть было не поперхнулся той самой водой, которой собрался опрыскать Костю Малинина. Вот тебе раз!.. Теперь мне понятно, зачем эти юннатич-ки-лунатички с собой сачки притащили: чтобы ловить нас, бабочек. Пожалуй, в таких условиях будить Костю даже опасно... Я выпустил из хоботка воду. Проснётся ещё, крыльями как замахнет спросонок, а девочки его тут цап-царап... Что же с ним делать? Вот задача! Спрятать его, что ли?.. Вон клочок газеты. Взять и прикрыть его бумагой, чтоб никто не видел... Я вцепился в клочок газеты и стал тащить его в сторону Кости Малинина.

Зинка Фокина поправила очки, откашлялась и стала читать ужасно противным голосом:

– «Бабочки – одно из интереснейших явлений в мире насекомых...»

Я остановился на минуту, чтобы передохнуть, и с новыми силами поволок обрывок газеты через дорожку (самое опасное место! Как бы не заметили!). Перетащив бумагу через дорожку, я залез в траву и оглянулся. Всё было как будто бы в порядке. Костя Малинин продолжал как ни в чём не бывало хра-петь во сне. Девочки сидели смирно. Фокина продолжала бубнить:

– «...Большое значение бабочки имеют и для хозяйственной деятельности человека...»

– Ой, Зиночка! Бабочка! Бабочка! – закричала вдруг одна из юннатов нечеловеческим голосом. Я повернулся на голос и замер.

– Где? Где бабочка? Какая бабочка? – загалдели сразу все девочки.

– Да вот же! Возле лужицы в траве! Неужели вы не видите?!

Зинка Фокина закрыла книгу, впилась в траву глазами и насторожилась, как собака-ищейка. Я от ужаса просто вспотел.

«Всё пропало! – мелькнуло у меня в голове. – Кого-то из нас заметили! Но кого? Меня или Костю?.. Только бы не Костю, только бы не Костю!..»

Наступила тишина. Я стоял как дурак возле, клочка газеты, утирая лапой пот со лба, и глядел на девочек. Мне казалось, что они все смотрели на Костю Малинина, а я стоял как дурак и смотрел на них (а что я ещё мог делать?).

– Так, – сказала Фокина, поправляя очки и глядя куда-то в мою сторону, – капустаница из семейства белянок. Не обращайтесь внимания, девочки! Такая бабочка у нас в коллекции есть!.. – Она снова уткнула свой нос в книгу, а я от радости даже разозлился.

«У них в коллекции есть такая бабочка, как я!.. Как же!.. Держите карман шире! Юннатики-лунатики!»

Я сделал лапой «нос» девочкам, которые после слов Фокиной сразу же потеряли ко мне всякий интерес. Впрочем, теперь мне это было на руку, теперь я мог, не привлекая к себе внимания, в два счёта загородить Костю клочком газеты от глаз девчонок.

На счёт «раз» я подтащил бумажный клочок к Косте, на счёт «два» я стал поднимать клочок на ребро. Но взявшийся неизвестно откуда ветер вырвал бумагу из моих лап и понёс над травой.

– Ой, Зиночка! – снова заверещала одна из юннатов, как будто её змея ужалила. – Вы только посмотрите, какая бабочка! По-моему, у нас такой в коллекции нет!

– Девочки! Вы перестанете отвлекаться? – сказала Фокина недовольным голосом. Она отвела свой взгляд от книги и так и застыла с вытаращенными глазами. – Что такое?.. – зашептала она испуганно. – Не может быть! Ой, девочки! Я, наверное, сплю! Ущипните меня!.. Ой, девочки! Да ведь это же ма-ха-он! Самый настоящий Мааков махаон из уссурийского края... Как же он здесь очутился? Махаон в нашем городе? Вот чудеса! Поразительное явление! Целое открытие! Тема для научного доклада!

Бормоча эти слова, Фокина успела тихонечко взять у одной из девочек сачок, подняться, сделать шаг вперёд и застыть на одной ноге.

Итак, случилось то, чего я боялся больше всего на свете: кружок юннатов во главе с Зинкой Фокиной обнаружил спящего махаона, то есть не махаона, а спящего Костю Малинина, и сейчас моему лучшему другу грозила, быть может, самая смертельная опасность из всех опасностей, каким мы подвергались с ним все э-т-о в-ре-м-я...

– Девочки! – скомандовала шёпотом Фокина остолбеневшим юннаткам. – Окружайте, только тихо... Чур, ловить буду я сама!..

Молча, с сачками на изготовку, девочки стали окружать спящего Малинина, того самого Костю Малинина, которого они, по своему неведению, считали Мааковым махаоном, чудом, залетевшим в наш город из далёкого уссурийского края!..

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ В морилку, потом в сушилку... и в распрямилку...

– Сейчас мы его поймем! – прошипела Фокина, качаясь на одной ноге и боясь спугнуть Костю. – Поймаем – и в морилку, потом в сушилку, потом в распрямилку...

– Хр-р-ы... – донёсся до меня сладко спящего Малинина.

Костя спал и даже не предполагал, какую страшную гибель готовила ему староста нашего класса Зинка Фокина.

Нельзя было терять ни одной минуты, ни одной секунды.

Тем более, что вернувшиеся с улицы ребята тут же присоединились к Зинке Фокиной и тоже выразили самое горячее желание поймать Костю Малинина, то есть махаона, и посадить его в морилку. Появившиеся вместе с ребятами Венька Смирнов и Генка Коромыслов тоже решили принять участие в этом ужасном деле. Венька растолкал девчонок, взглянул на Костю Малинина и заорал: «Да мы же этого типа с Генкой недавно на улице ловили!..»

Зинка Фокина, вместо того чтобы сделать Смирнову и Коромыслову выговор за опоздание на воскресник, только зашипела на Веньку, а девчата, воспользовавшись суматохой, оттеснили всех ребят в кусты и стали осторожно сжимать вокруг Кости Малинина смертельный круг.

Что же делать? Что делать?

Я выпорхнул из травы, налетел на Зинку Фокину и стал виться вокруг её правого уха и умолять её, чтобы она оставила в покое Костю Малинина.

– Зиночка! – кричал я. – Остановись! Это же не бабочка! Это человек в виде бабочки! Не

махаон это! Это Малинин!

Но Зинка Фокина отмахнулась от меня, как от надоедливой мухи.

– Девочки! Да что же вы делаете! – кричал я изо всех сил.

Но они все словно оглохли и ослепли: они меня не видели и не слышали, словно я и вообще не существовал на свете.

Страшное кольцо продолжало сжиматься вокруг Кости Малинина все тесней и тесней.

Я заметался, потом взлетел вверх; оставалось только одно: сбить спящего Малинина с камня – взять его на таран! Быть может, он хоть от удара проснётся. Сложив крылья, я ринулся вниз, скользнул над травой и что есть силы ударил Костю головой в бок. От сильного удара в голове у меня все помутилось и перед глазами поплыла радуга, а Костя сорвался с камня, подпрыгнул, подлетел, проснулся в воздухе и как очумелый закрутил глазами, – Костя! Делай свечку! Свечку делай! – заорал я не своим голосом.

– Какую свечку? – сказал ничего не соображающий Костя Малинин, протирая заспанные глаза.

Тогда я схватил его за лапу и потащил за собой в небо круто вверх. И откуда у меня только сила взялась? В одну секунду я поднял Костю Малинина, как на лифте, выше кустов.

Внизу, где-то там, под нами, раздался дикий визг девчонок.

– Это что, большая перемена? – спросил меня Костя одуревшим от сна голосом и закрыл глаза.

– Какая ещё перемена? – сказал я и наподдал Косте сзади лапой, чтобы он хоть немного пришёл в себя. В глазах у меня все ещё продолжало сиять какое-то северное сияние. – Ты что, ещё не проснулся, что ли?

– Сейчас, сейчас! – сказал Малинин. – Сейчас я наемся нектара и сяду за геометрию... А этому Мишке надо крылья оборвать...

– Какому Мишке?

– Яковлеву... из семейства отличников. Чтобы он не соглашался другой раз заниматься с нами в воскресенье...

Малинин хотел сказать что-то ещё, но вдруг перестал махать крыльями, громко захрапел и начал валиться в кусты, в самую гущину листьев.

– Костя! Не засыпай! Пропадёшь! – рявкнул я и стал валиться вслед за своим другом в кусты сирени, цепляясь на лету крыльями за сучки и листья.

От удара о ветку Костя опять проснулся. По ветке взад-вперёд ползали муравьи; они мельтешили у меня под ногами, и мне пришлось двум из них дать хорошего пинка, чтобы они не путались не в своё дело в такой, можно сказать, критический момент.

– Сейчас же превращайся из бабочки в трутня, слышишь? – сказал я Косте, разгоняя муравьёв.

– В какого трутня? Из какой бабочки? Ты что, Баранкин, свихнулся, что ли? – сказал Малинин и повалился на бок.

Вероятно, у спящего Малинина так всё перепуталось в голове, что он уже вообще ничего не соображал. Тогда я его приподнял за крылья:

– Превращайся в трутня! Слышишь, Малинин?

– Как это может человек превратиться в трутня? Ты, Баранкин, фантазей... из семейства чело-веев... то есть, че-ло-ве-ков... то есть, я спать хочу, – сказал Малинин и повалился на другую сторону.

Было слышно, как по саду с криками и визгом продолжали рыскать девчонки. Если они заметят в кустах яркие крылья Кости-махаона, мы пропали.

– Ты превратишься в трутня или нет? Последний раз тебя спрашиваю! – я снова поднял упавшего на бок Малинина, при этом я успел лягнуть задними лапами двух нахальных муравьёв, которые намеревались заползти мне под самое пузо.

– Ладно, Баранкин! – промычал Костя. – Если уж тебе так хочется... Только я сначала посплю...

– Нет! Сначала ты превратишься в трутня, а потом будешь спать! Слушай мою команду! – Я схватил Костю за передние лапы и стал изо всех сил трясти его, приговаривая:

– Повторяй за мной! Повторяй за мной!

*Ни ночью, ни днём
Не хочу быть мотыльком!
Всех на свете лучше
Быть, конечно, трутнем!*

– Вот он где спрятался! – взвизгнул невдалеке голос Зинки Фокиной. – Я так и знала, что

он далеко не улетит! Девочки! Окружайте куст!

«Все! Нас обнаружили! Мы пропали! – подумал я. – И Малинин опять заснул! И теперь я с ним уже ничего не смогу поделать!»

У меня при одной этой мысли опустились крылья, и я даже не стал распахивать муравьёв, которые опять напозли с разных сторон.

«Пусть ползают, – произнёс я мысленно, – теперь все равно...»

И вдруг именно в эту минуту раздался смех Кости Малинина.

Я с ужасом посмотрел в его сторону – уж не сошёл ли он во сне с ума от всех этих переживаний – и вижу, как два муравья ползают возле его брюха и щекочут Костю своими усиками. Они его, значит, щекочут, а он, значит, смеётся, тихо, правда, но смеётся, спит и смеётся. Вот, балда, как же это я забыл, что Костя Малинин больше всего на свете щекотки боится. Я ещё в лагере его сколько раз будил при помощи щекотки. Вот спасибо муравьям, что надоумили. И, не теряя больше ни секунды, я всеми четырьмя лапами сразу стал щекотать Костю под мышками. Тихий смех Кости-махаона сразу же перешёл в хохот, и он проснулся. Сразу же проснулся! И глаза открыл и совершенно спать перестал.

Трясётся весь, хохочет, заливается как сумасшедший, лапами за живот хватается и говорит, захлёбываясь от смеха:

– Ой, Баранкин! Ха! Ха! Зачем ты меня щекочешь? Ха! Ха! Ха!

– Ха! Ха! Ха! – отвечаю я Малинину.

Меня тоже в эту минуту разобрал смех, во-первых, на нервной почве, во-вторых, очень уж я обрадовался, что Костя проснулся от этого ужасного сна и окончательно пришёл в себя. Я от этой нервной радости даже на время забыл о той смертельной опасности, которая ещё продолжала грозить Косте Малинину. А главное, хоть Костя и проснулся, я все равно продолжал его щекотать. Кто его знает! Перестанешь щекотать, он возьмёт и опять заснёт.

– Да ну вас! – сказал Костя Малинин мне и муравьям, отталкивая меня и их от себя. – Расщекота-лись здесь! Ха-ха! А что это там за шум? Ха-ха-ха!

И здесь я снова с ужасом вспомнил о том, что грозит моему лучшему другу, и не только вспомнил, но и понял, что, судя по голосам, Зинка с девчонками уже начали окружать наш куст.

– Малинин! – заорал я на Костю. – Сию же минуту сосредоточивайся и начинай превращаться в трутня!

– Почему в трутня? В какого трутня? – спросил Костя, сладко потягиваясь.

– Потому что там Зинка Фокина с юннатками. Они тебя как махаона хотят запрятать в морилку! Потом в сушилку! Потом в распрямилку!

– Как – в морилку? Зачем в морилку? – заорал Малинин.

– Для коллекции! – заорал я.

При слове «коллекция» с Малинина сон, видно, окончательно как рукой сняло, и он, очевидно, сразу все, все, все вспомнил, понял все, все, все, понял и осознал весь ужас положения, в которое мы с ним попали. Ещё бы! Что такое коллекция, Костя знал хорошо, ведь он сам был когда-то юннатом и у него у самого когда-то была такая коллекция, в которую так хотела сейчас упрятать его Зинка Фокина.

– Что же ты меня сразу не разбудил?

– Я ещё тебя не разбудил?! Скажи спасибо мурашам. Это они меня надоумили... В общем, скорей повторяй за мной!

Я стал орать Малинину заклинание в самое ухо, а сам вижу, что он меня совсем не слышит, он, очевидно, при слове «коллекция» от ужаса обалдел и вообще перестал понимать, что я от него хочу.

Я ору изо всех сил:

*Всех на свете лучше
Быть, конечно, трутнем!*

А Малинин все молчит, потом вдруг как заорёт:

*Ой, мамочка!
Я не хочу быть бабочкой!
Бабочке нехорошо!
Хорошо быть мурашом!*

Я сначала даже не понял, что на этот раз мы с Малининым начинаем превращаться в совершенно различных насекомых и наши пути, как говорится, расходятся в разные стороны. Я хочу стать трутнем, а Малинин хочет связать свою жизнь с муравьями! Зачем он это делает?

Неужели он не соображает, что там его ждёт? Да нет, он сейчас, по-моему, вообще ничего не соображает. Он сейчас соображает только одно, что лучше уж быть живым трудящимся муравьём, чем мёртвой бабочкой.

Как вы думаете, мог я оставить Малинина одного в такой ситуации? Мог я сам стать долгожданным трутнем, а Малинину позволить превратиться в рабочего муравья? Конечно, не мог! Отвечаю я за Малинина или не отвечаю? Отвечаю, и ещё как отвечаю, головой своей отвечаю! Ведь это я его втравил в эту историю, а не он меня.

В эту минуту за кустами, в довершение всего, раздался прямо какой-то лошадиный топот. Треск ломаемых сучьев. За листвою со всех сторон замелькали разноцветные сачки, несколько девчонок взгромоздились с сачками даже на дерево и тем самым отрезали нам с Костей последний путь к бегству.

Все! Мне ничего больше не оставалось делать, как набрать в лёгкие побольше воздуха и вложить все свои последние силы в заклинание, которое в горячке придумал этот псих Малинин.

*Ой, мамочка!
Я не хочу быть бабочкой! –*

затараторил я вслед за Костей Малининым. –

*Я уверен, хорошо
Быть на свете мурашом!..*

Ой, я был в этом не уверен, совсем не уверен! Малинин, что мы с тобой делаем? И зачем только мы с тобой превращаемся в муравьёв?!

Это была последняя мысль, мелькнувшая в моей измученной бабочкиной голове, разрывавшейся от забот, тревог, ужаса и волнений...

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ КАРАУЛ! МИРМИКИ! (Гибель Малинина)

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ Неприятное для Зинки Фокиной и спасительное для нас с Костей

– Зиночка! – прошипела какая-то девчонка за кустом. – А если полетит капустница, что с ней делать?

Говоря о капустнице, девчонки, конечно, имели в виду меня, Баранкина. Поэтому для меня этот вопрос прозвучал так: «Зиночка, а если полетит Юрка Баранкин, что с ним делать?»

– Тоже в морилку! – ответила Зинка Фокина. – Махаон у нас будет экспонатом, а на капустнице я буду учить вас работать с распрямилкой.

«Дождлся, Баранкин!» – подумал я про себя, прислушиваясь к звукам, долетавшим из-за куста. Судя по всему, там шли последние приготовления к штурму куста сирени: звякали флаконы, шуршали коробки для упаковывания бабочек, доносились страшные вопросы и ещё более ужасные ответы.

– Зиночка, а если махаон попадёт в сачок, можно его за крылья брать?

– Ни в коем случае! Нужно, чтобы у бабочки были непотертые крылья... Приготовьте морилки! Нина, у кого булавки для накалывания?..

– У меня.

– Приготовь булавки!

– Ой, я боюсь!

– Катя! Возьми булавки ты!.. Зоя, vedi наблюдение!..

– Я и так веду!..

– Все готовы?

– Вссссе! – зашипели девчонки, как змеи.

– Открыть морилки!

Морилки были открыты – в воздухе запахло табаком. Кто-то громко чихнул. Кто-то сказал: «Ой, я боюсь!» Одна девчонка обожглась о крапиву и заойкала. На неё все зашикали. Раздался треск осторожно раздвигаемых сучьев. Вопросы:

– Где они?

– Вон они!..

- Где? Не вижу! На нижней ветке, что ли?
- Да нет! Выше! – Выше?
- Ниже!
- Ещё ниже! Правее! Теперь левее! Вон сухой лист, а рядом две бабочки!..
- Ой, девочки! Действительно!..
- Тише вы там!

Шорох раздвигаемых веток усилился, и покрасневшее лицо Зинки Фокиной, исцарапанное и покрытое паутиной, показалось в самых дремучих зарослях сирени; глаза, как у безумной, забегали по листьям.

– Ну, что там, что там, что там?.. – зашипели со всех сторон девчонки.

– Никого... – сказала Зинка Фокина растерянным голосом. – Никого!

Конечно, если бы Зинка Фокина повнимательней пригляделась к тому месту, на котором она сама, своими глазами, несколько минут назад видела двух бабочек, то она при желании могла бы заметить двух маленьких чёрненьких муравьёв, вцепившихся всеми шестью лапами в шероховатую кору сирени, но Зинке Фокиной было не до муравьёв. Она ещё раз пошарила печальными глазами по веткам и, глубоко вздохнув, произнесла:

– Как сквозь землю провалились... Никого!

– Как это – никого?.. А мы кто такие? – прошептал один муравей другому.

Голубоглазый муравей рассмеялся, пошевелил усиками и стукнул лапой по плечу муравья с тёмными глазами.

Черноглазый муравей посмотрел на расстроенное лицо Зинки Фокиной, тоже пошевелил усиками, но ничего не сказал.

– Не может быть! – прошептала Зинка Фокина. – Я же своими глазами видела... Не могли же они сквозь землю провалиться!.. – Она ещё раз обшарила весь куст мокрыми от слёз глазищами и сказала:

– Чёрт побери! Вот чёрт побери!

– Ругается! – обрадовался голубоглазый муравей (это был, конечно, Костя Малинин. Привет!). – Ругается! – сказал он, потирая лапы. – Зинка Фокина чертыхнулась два раза! Вот красота!

Костя подкрутил свои усики, хлопнул муравья с чёрными глазами по спине (это был, конечно, я, Баранкин! От меня тоже привет!) и весь так и затрясся от беззвучного смеха.

Зинка Фокина сделала шаг назад. Ветки со свистом сомкнулись, и мы с Костей остались одни на раскачивающемся сучке сирени.

– Ура! – сказал Костя Малинин. – Опасность воздушного нападения миновала! Отбой!

* * *

Костя Малинин радовался, он радовался как человек, то есть он радовался как муравей, избежавший смертельной опасности, когда он был ещё мотыльком.

Хотя я тоже, как и Костя, избежал смертельной опасности и успел вовремя превратиться в муравья, но я не очень-то радовался; ведь если мы успели превратиться в муравьёв, то мы с таким же успехом могли превратиться и в трутней. А от муравьиной жизни я абсолютно не ждал ничего хорошего, поэтому я не стал разделять Костиных восторгов, а мрачно сказал:

– Эх, Малинин! Что ты наделал, Малинин!

– А что я? – ответил весело Малинин. – Что я, по своему желанию уснул, что ли? Это же закон природы!

– Да я не про закон природы! Я говорю: «И зачем мы только из-за тебя превратились в муравьёв, а не в трутней?»

– Если бы тебе грозило попасть в коллекцию, стал бы ты очень выбирать, в кого тебе превратиться...

Я на это ничего не сказал Малинину, потому что в его словах, безусловно, была доля правды.

– И вообще, Баранкин, – продолжал Костя, – трутни это ведь вроде муравьёв, только с крыльями, а нам с тобой крылья ни к чему, мы с тобой налетались уж на этих крыльях. Давай уж лучше уползём от всего на свете под землю, в муравейник. Уж там, под землёй, мы с тобой никого не встретим – ни юннатов, ни отличников, ни кошек, ни воробьёв...

– Очень ты спрячешься в муравейнике, – налетел я на Малинина; его глупые рассуждения меня просто разозлили. – Ты что, не знаешь, что ли, что муравьи – это самые, самые трудящиеся насекомые на всём свете? И что их каждый день заставляет работать... этот, как его, инстинкт?

– Почему не знаю! – стал оправдываться Малинин. – Очень даже знаю, что муравьи трудящиеся. Но ведь сегодня выходной день!

Такое заявление со стороны Кости Малинина для меня было совершенно неожиданным.

– Ну и что, что выходной? – опешил я.

– А в выходной они, наверное, не работают!

– Значит, по-твоему, в выходной день инстинкт на муравьёв не действует, что ли?

– Знаешь, Баранкин! – сказал Малинин убеждённым голосом. – Я вообще считаю, что никакого инстинкта нет.

– Как – нет? – снова опешил я. – Нам же его преподают в школе?

– Ну и что что преподают?... Просто этот инстинкт все учителя придумали, чтобы нам вопросы задавать на уроках! Соображаешь?

Когда Малинин мне все это высказал, я сразу же стал соображать: а может быть, действительно Костя прав и никакого инстинкта у муравьёв вообще нет, а выходной день, наоборот, есть... А если выходной день у муравьёв есть, тогда нет ничего страшного в том, что мы превратились не в трутней, а в мурашей... Конечно, у муравьёв есть выходной день!.. А может быть, всё-таки нет? Я попробовал представить себе жизнь без выходных дней и не смог. Ещё я вспомнил беседу, которую в школе проводил с нами доктор. Беседа была о том, что надо обязательно отдыхать каждый выходной день. Если людям надо отдыхать каждое воскресенье, то муравьям тем более: они ведь такие маленькие и слабенькие. Нет! Конечно, у муравьёв должен быть выходной день, и он у них, конечно, есть! А если выходной день есть, тогда, пожалуй, всё в порядке. И можно не вешать нос, то есть усы, и можно бежать в муравейник и занять там какую-нибудь отдельную комнату, и начать ходить там на голове, и вообще делать всё, что только тебе вздумается. Здорово я развеселился от этих мыслей.

* * *

– Малинин! – сказал я, спрыгивая с ветки на землю. – Сейчас мы разыщем с тобой муравейник, займём отдельную комнату, закрёмся, закроем дверь на замок и...

– У них же нет, наверное, дверей и замков в комнатах, – усомнился Костя.

– Неважно! – сказал я, развеселившись ещё больше. – Важно, что комнаты есть, а уж загородиться чем-нибудь от всего на свете мы сумеем! Мы с тобой бабочки учёные и воробьи стреляные, нас теперь на мякине не проведёшь!

Я побежал по земле и на радостях ударил лапой попавшееся мне на пути круглое семечко, напоминавшее по форме футбольный мяч.

Костя Малинин принял мою передачу и отпасовал семечко обратно. Только здесь, на земле, я разглядел хорошенько Костю-муравья. Он весь блестел так, словно его начистили сапожным кремом, и талия у него была очень смешная – тонюсенькая-пре-тонюсенькая, как у девчонки, и ног было сразу шесть штук. «Очень это здорово, что у муравья шесть ног, – подумал я, – в футбол удобно играть. Особенно бить по воротам со всех шести ног. И в воротах стоять тоже удобно: на двух ногах стоишь, четырьмя ловишь мяч...»

В доказательство своей мысли я подпрыгнул в воздухе и ловко принял на грудь семечко-мяч всеми четырьмя лапами сразу. В обнимку с мячом я упал на землю и покатился, громко смеясь от удовольствия.

– Куча мала! – крикнул Костя Малинин и повалился на меня.

Мы уж совсем начали было кувиркаться, но тут я заметил, что из леса, то есть из травы, навстречу нам вышло человек шесть муравьёв. Я, конечно, очень обрадовался. Вскочил.

– Здорово, ребята! – крикнул я муравьям, поднимая в знак приветствия все четыре лапы. Потом я ударил по мячу ногой и сказал:

– Может, по случаю выходного в футбол сыграем, ребята?... Вас сколько человек? Шесть? И нас двое! Как раз! Разделимся на две команды по четыре! Чур, я – центр нападения!

Настоящие муравьи как-то странно посмотрели на меня, похлопали друг друга усиками, пошептались между собой, дали задний ход и тихо скрылись в зарослях травы.

Мы с Костей побежали их догонять, но в соседнем лесу, то есть в траве, уже никого не было, зато совсем рядом внизу, под пригорком, мы обнаружили дорожку, по которой шло самое оживлённое муравьиное движение.

Муравьи сновали взад и вперёд. Одни из тех, что были поменьше ростом, несли на себе комочки земли, палочки, листики, хвойные иголки. Другие муравьи, широкоплечие, с большими головами и огромными челюстями, волокли гусениц, мёртвых мух и жуков...

– Что это они, Малинин? – спросил я Малинина, насторожившись. – Работают, что ли?

– Да что ты, Баранкин, – ответил Малинин, – это они гуляют по своей главной улице.

– Как – гуляют? – спросил я недоверчиво.

– Так, гуляют. Сегодня же воскресенье!

– А зачем же они тащат на себе всякие бревна и камни, если сегодня воскресенье?..

Малинин промолчал.

– А по-моему, они не гуляют, а работают...

– Ну что ты, Баранкин, – возмутился Малинин, – какая же работа может быть в выходной день?

– А бревна на плечах? – спросил я Малинина.

– А бревна... – ответил Малинин. – А бревна... это у них так принято гулять с брёвнами на плечах!

– Принято? – переспросил я, потом протёр глаза лапами, уставился повнимательней на муравьёв, и сердце у меня заныло от какого-то очень нехорошего предчувствия.

Это ощущение возникло у меня и от того, что я увидел, и ещё от фразы Малинина, которую он произнёс, глядя на муравейник.

– Знаешь что, Баранкин, – сказал Костя, – давай лучше не пойдём в муравейник, давай лучше гулять одни, где-нибудь там... – И Костя махнул лапой в сторону, совершенно противоположную от муравейника.

Собственно говоря, я это и сам хотел предложить Косте, просто он немного опередил меня с этим предложением, поэтому я, не колеблясь ни секунды, сказал:

– Давай, Малинин, давай! Включай, Малинин, задний ход.

«Пока не поздно», – хотел добавить я, но промолчал.

Мы хотели попятиться прочь от муравейника, но здесь с нами обоими случилась непонятная вещь: вместо того чтобы пятиться назад, мы стали пятиться вперёд, прямо по направлению к муравейнику. Я ясно чувствовал, что я делаю это вопреки своему желанию, чувствовал и понимал, но ничего не мог с собой сделать, потому что какая-то неведомая сила медленно, шаг за шагом, стала приближать нас с Костей к муравейнику.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Мы ремонтируем муравейник

Медленно, нехотя, вопреки своему желанию мы продолжали с Костей приближаться к снующим взад-вперёд муравьям, и с каждым шагом мне становилось всё ясней и ясней, что все муравьи, все до одного, заняты делом, несмотря на то что для всех людей этот день был выходным днём.

Муравьи работали, работали, трудились, и отрицать это было просто бессмысленно. Незаметно мы очутились в самой муравьиной гуще, так близко, что даже было слышно, как они громко пыхтят под своими ношами. Рядом с нами, например, целая бригада тащила домой огромную стрекозу. И, хотя муравьи из этой бригады суетились, как девчонки, мешали друг другу, а главное, тащили стрекозу в противоположные стороны, несмотря на это, стрекоза каким-то чудом двигалась всё же по направлению к муравейнику.

– Работают муравьи! – сказал я Косте Малинину.

Муравьи работали! Работали все, без исключения. Никто из них не отлынивал, никто не занимался посторонними делами, или разговорами, или играми, никто не лежал под кустом и не загорал, а главное, никто никем не командовал и никто ни на кого не орал вроде нашей Зинки Фокиной. Вы бы послушали, какой она шум поднимает на каждом субботнике!

– Работают! – сказал я Косте Малинину.

– Ну и что, что работают! – огрызнулся Костя. – Тёмные, вот и работают. Необразованные личности! Наверное, даже не знают, что такое воскресенье. А мы с тобой образованные! Мы с тобой работать не будем!

– И инстинкт, значит, существует, – сказал я очень серьёзным голосом. – Раз они ему подчиняются, значит, ОН существует!

– Ну и пусть себе подчиняются! А мы не будем никому подчиняться! – сказал упрямым

голосом Костя Малинин.

Я вообще-то тоже, как и Костя Малинин, был абсолютно уверен, что инстинкту и в самом деле можно было не подчиняться, даже если он и существует на самом деле... Каково же было моё удивление, когда, очутившись на муравьиной дорожке, мне вдруг ни с того ни с сего совершенно неожиданно ужасно захотелось приступить к работе вместе с тёмными и необразованными муравьями. Это желание было сильным и непреодолимым. Мне казалось, что если я сию же минуту не взвалю себе на плечо какой-нибудь груз и не начну трудиться, как все муравьи, то я просто умру на месте.

Подобрав с земли сухую ветку, я молча взвалил её на плечо и поволок к муравейнику. И тут мне сразу стало легче, как будто гора с плеч свалилась! Стало даже как-то весело и приятно. В это время то же самое случилось и с Костей Малининым, то есть сначала, когда я взвалил на плечо сучок, он посмотрел на меня, как на ненормального, а потом тоже вдруг с необычайной энергией и желанием подхватил ветку с другого конца и стал молча помогать мне, падая и спотыкаясь на каждом шагу. Сучок был тяжёлый, как настоящее бревно, он то и дело цеплялся за траву, за камни, скатывался с плеч, но мы продолжали над ним пыhtеть и тащить его с большим удовольствием, пока не дотащили по подземному ходу до самого муравейника. Возле входа в муравейник два муравья перехватили у нас бревно и утащили в темноту, а мы с Костей послушно повернулись в обратную сторону и побежали за новым стройматериалом.

Вот так! Таким, как говорится, образом присоединились мы с Костей к «гуляющим» муравьям и стали вместе с ними «гулять» со всяким мусором на плечах, то удаляясь от муравейника, то возвращаясь к нему обратно. Взад-вперёд! Взад-вперёд! С ветками, с хвойными иголками на плечах, с сухими листиками, с комочками земли бежали мы, как заведённые, и даже перестали разговаривать друг с другом, так занялись мы этой работой. Честно говоря, работать под управлением инстинкта – дело малоинтересное и, я бы сказал, глупое. Голову твою всё время как бы сверлит одна фраза: «Давай, Ба-ранкин! Давай! Тащи! Волочи! Перетаскивай, Ба-ранкин! Ворочай, Баранкин!..» А ЗАЧЕМ «тащи»? ДЛЯ ЧЕГО «тащи»? Ты ничего не соображаешь, а соображать тебе всё время что-то не даёт и мешает, и от этого ты себя чувствуешь просто каким-то дураком и даже кретином... Один раз только на меня нашло просветление, это когда мне надоело таскать бревна на плече, и я быстренько соорудил для нас с Костей носилки, но дурацкие ощущения в голове всё равно не проходили, и фраза: «Давай, Баранкин! Давай! Тащи! Волочи! Перетаскивай!..» – продолжала тупо сверлить мой мозг.

* * *

Второй раз на меня нашло просветление, когда я хотел спросить у Малинина (раз уж он втравил меня в эту муравьиную историю), долго ли ещё будет нас гонять этот проклятый инстинкт, но затем я с большим трудом сам вспомнил, что я совсем недавно прочитал книгу «Пароль скрещённых антенн», где чёрным по белому было написано, что муравьёв инстинкт заставляет работать до самого-самого захода солнца...

Не знаю, может быть, мы с Костей в этот день привыкли бы к этому муравьиному конвейеру и действительно проработали до самого захода солнца, если бы не одно происшествие, которое случилось, когда мы в двадцатый или тридцатый раз возвращались с носилками к муравейнику. Именно в это время мимо нашего (нашего!) муравейника проходил Венька Смирнов. Ничего хорошего от этого произойти, конечно, не могло. Не успел я об этом подумать, как Венька, насвистывая, ткнул два раза черенком лопаты в муравейник и, так же насвистывая, ушёл прочь.

Что здесь с нами случилось! С «нами»... Это я имею в виду не только нас с Костей, а всех муравьёв. Что здесь с нами со всеми случилось! Мы сразу все, как один, как по команде, к-а-к записывали, как занервничали, как заметались и к-а-к бросились все перевыполнять всякие нормы по ремонту нашего общего муравейника. Было такое впечатление, что инстинкт из-за этого Веньки Смирнова взял нас всех и «переключил» с первой скорости на третью и поэтому мы все стали работать с удесятерённой силой.

Когда я всё это ощутил, мне так и захотелось огреть Малинина носилками по спине, но при всём желании я этого не мог сделать, потому что носилки с другой стороны держал Костя Малинин и ещё потому, что мою голову с удесятерённой силой продолжала сверлить фраза: «Давай, Баранкин! Давай! Тащи! Волочи! Ворочай! Давай, Баранкин! Давай! Давай! Давай!..» И ещё потому, что, как бы я ни сердился на Костю, я бы никогда не смог не только ударить его, но даже тронуть пальцем.

Ведь он вместе со мной несётся сейчас на третьей скорости, и его несчастную голову в эту минуту тоже, вероятно, сверлит эта проклятая фраза: «Давай, Малинин! Давай! Тащи! Волочи! Ворочай! Давай, Малинин! Давай! Давай! Давай! Давай!...»

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Это был, наверное, единственный в своём роде «бунт» на земле

Все!

Всё рухнуло!!! Все мои надежды, все мои мечты и фантазии – всё рухнуло! Я понял, я окончательно уверился в том, что такой жизни, о которой я мечтал, сидя на лавочке, в ожидании Мишки Яковлева, такой жизни нет и не может быть нигде – ни на земле и ни под землёй... Ни у воробьёв, и ни у бабочек, и ни у муравьёв!... И у трутней тоже наверняка нет такой жизни. И такого состояния, в котором можно ничего не делать, тоже, вероятно, не существует, потому что если бы мы сейчас с Костей даже были трутнями, а не муравьями, то мы бы с ним старались ничего не делать, а для того чтобы ничего не делать, как я убедился, нужно обычно столько сделать, что уж лучше что-нибудь делать, чем пытаться ничего не делать... Нет такой жизни! И незачем её искать! И нечего терять время! О-н-а не существует! А если всё это так, то зачем же тогда я и мой лучший друг Костя Малинин все ещё продолжаем быть муравьями? Почему мы на третьей скорости ремонтируем муравейник, в котором даже не собираемся жить? Зачем мы обливаемся потом и падаем на каждом шагу от усталости? Пора! Пора возвращаться, пока не случилось какой-нибудь ужасной неожиданности. У этих птиц и насекомых каждую минуту может случиться такое, что потом и костей не соберёшь. Я оглянулся на Костю Малинина. Малинин молчал, он ни о чём меня не спрашивал, он не ворчал на меня за то, что в третий раз попал в такую передрыгу, он не ругал и не проклинал меня, и это было невыносимо. Уж лучше бы он меня разнёс за все в пух и прах. Но Костя молчал, словно воды в рот набрал. Он копошился, нагружался, разгружался, снова нагружался и опять разгружался, носил, таскал, перетаскивал, не отставая от меня ни на шаг. Костя работал, как самый заправский муравей.

«Надо остановиться! – подумал я. – Немедленно прекратить работу и остановиться. Надо сохранить силы для нашего возвращения. А то этот инстинкт к вечеру загоняет нас с Костей до полусмерти, так, что не шевельнёшь ни рукой, ни ногой... В конце концов пусть этому инстинкту обыкновенные муравьи подчиняются без всякого рассуждения, а мы Е-М-У докажем, что мы с Малининым разумные существа. Докажем! А как мы ему докажем, если от моего этого самого разума в голове уже почти ничего не осталось! И мыслей никаких, кроме: «Жми! Тащи! Неси! Ворочай!...» И вот я жму, тащу, несу, ворочаю, а сам себе тихонько команду: «Думай, Баранкин! Думай!... Соображай всё-таки назло этому самому инстинкту! Не подчиняйся ему! Не подчиняйся!...»

И вот тут-то в моей голове при слове «не подчиняйся» вдруг мгновенно созрел план заговора, может быть, единственного в своём роде на всём земном шаре. Я решил против инстинкта поднять самый настоящий бунт и самое настоящее восстание!

Я остановился на бегу с охапкой хвойных иголок! Я поднялся на задние лапы. Я распрямил свою усталую спину. И закричал громко, на все поле боя, как Пётр Первый под Полтавой:

- Малинин! – скомандовал я. – Сбрасывай с себя мусор! Будет!
- «Будет»? Что будет? – спросил Костя совершенно равнодушным голосом.
- Бунт будет! Вот что будет! Заговор!
- Против кого заговор?
- Против И-Н-С-Т-И-Н-К-Т-А! Заговор!..
- А что такое «заговор»? – спросил Малинин.
- Вот тебе раз!

Костя уже начал забывать значение самых обыкновенных человеческих слов. Тогда я быстренько напомнил ему значение слова «заговор» и объяснил ему, что это значит. Костя тупо выслушал меня и спросил тупым голосом:

- А какой заговор?
- Что значит – какой? Обыкновенный!.. То есть не обыкновенный, а смертельный – вот какой! Понимаешь?
- А что значит «смертельный»? – опять задал мне вопрос Костя.
- Смертельный – это значит: мы лучше с тобой умрём, но не подчинимся инстинкту!
- А что такое «не подчинимся»? Как – не подчинимся? – Малинин посмотрел на меня печальными глазами и недоверчиво вздохнул.

– Ну, очень просто! Понимаешь, он, инстинкт, будет нас, меня и тебя, нагружать... Понимаешь, нагружать?

– Нагружать – это я понимаю, – сказал Костя.

– Ну вот! – обрадовался я. – Он, инстинкт, будет нас нагружать и заставлять работать, а мы, я и ты, будем ему не подчиняться... Не подчиняться – понимаешь?..

– А как – не подчиняться?

– А вот так не подчиняться! Вот так! Смотри!

Я взял и сбросил охапку хвойных иголок со спины на землю. Костя Малинин сначала посмотрел на меня, как на ненормального муравья, потом с трудом о чём-то подумал и тихонько опустил на землю берёзовый лист. Потом мы вместе налегке сбежали с муравьиной дорожки в сторону. Инстинкт, конечно, хотел тут же заставить меня поднять иголки, но я ему не подчинился. Костя Малинин стоял на-пружинившись рядом со мной, потом вдруг закружился на месте, как собака, которая хочет поймать себя за свой хвост.

– Чего ты вертишься? – спросил я Малинина.

– Очень хочется вернуться и поднять лист, – прошептал Малинин.

– Не подчиняйся ни за что! Преодолевай!

– Я и так преодолеваю.

– Молодец! – похвалил я Малинина, забираясь под куст травы. – Иди сюда.

Тяжело дыша и преодолевая на каждом шагу сопротивление инстинкта, Костя с трудом приблизился ко мне и вцепился в меня всеми шестью лапами. Я подтянул к себе берёзовый листок и укрылся им с головой, словно одеялом, чтобы нас никто не видел.

– А теперь, – сказал я лихорадочным шёпотом, – а теперь, Малинин, сосредоточься и повторяй за мной...

*Ни ночью! Ни днём!
Не хочу! Быть! Муравьём!
Я! Хочу! Навеки!
Быть! Человеком...*

Громко всхлипнув, Костя глубоко вздохнул и вместо волшебных слов заклинания сказал:

– Ой, мамочка!..

– Чего ты? – спросил я.

– Меня за ногу кто-то дёргает!..

Я конечно, подумал, что это к Косте опять инстинкт привязался. Приподняв берёзовый лист, выглянул наружу, смотрю – нет, не инстинкт, а какой-то совершенно незнакомый муравей схватил Костю за заднюю лапу и тянет изо всех сил...

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТОЕ **Неожиданное спасение от неожиданной угрозы**

Я думал, что мне удастся легко отделаться от муравья, но я ошибся. Муравей оказался очень настырным. Он и меня тоже схватил за одну лапу.

Я ему, конечно, пригрозил: «Отцепись! А то хуже будет!», а он все тянет и тянет, потом дёргать начал, потом взял и стянул с нас одеяло, то есть берёзовый лист. Я, конечно, разозлился и вскочил на ноги; старый муравей обстукал нас с Костей с ног до головы усиками, словно доктор, и спрашивает:

– Вы что, заболели?

– Нет, – говорю, – я лично здоров... – А почему же вы лежите?

– А мы отдыхаем!

– А почему вы отдыхаете, когда все работают?

– Потому что сегодня воскресенье, – сказал я.

– Какое воскресенье? – не понял муравей.

– Выходной день, – пояснил я.

– Какой выходной? Почему выходной?..

– Обыкновенный, – сказал я.

Весть о том, что два муравья в самый разгар работы легли спать, сразу же облетела весь муравейник. Это происшествие было, вероятно, настолько небывалым и неслыханным, что на нас собрались посмотреть все муравьи. Одни окружили меня и Костю на полянке плотным кольцом и стали таращить на нас глаза, другие забрались на цветы и траву и разглядывали нас сверху.

– Что такое выходной день? – продолжал допрашивать меня дотошный муравей.

– Выходной день – это такой день, когда никто не работает, – стал объяснять я собравшимся, и чем больше я им объяснял, тем меньше они меня понимали. – В общем, – закончил я своё объяснение, – когда мы жили там, мы в этот день никогда не работали.

– Где это «т-а-м»?

– Там! – Я махнул лапой в сторону большого каменного дома. – Там... Вон в том кирпичном муравейнике, то есть не в муравейнике, а в этом... в человекиннике...

Я совсем запутался и замолчал. Из толпы муравьёв послышались голоса:

– Подозрительно! Подозрительно!

– Кто они такие?

– Надо разобраться, разобраться!

– Не надо разбираться, оторвать им ноги, и все!

– Они – не мы, они чужие! Они и говорят не по-нашему!

– Надо разобраться, разобраться!

Пока старые муравьи совещались между собой, что с нами делать, толпа продолжала шуметь. Пока толпа продолжала шуметь, а старые муравьи продолжали совещаться, я успел шепнуть Косте:

– Малинин! Повторяй за мной слова, пока не поздно!..

Ни ночью! Ни днём!

Не хочу! Быгь!

Муравьём!..

Но Малинин Костя будто оглох. Он с ужасом смотрел на старых муравьёв, совещавшихся между собой в стороне, и ничего не слышал.

Тогда я тоже замолчал. Не мог же я поступить иначе, тем более, что к этому времени старые муравьи кончили совещаться и один из них со словами «слушайте все!» снова приблизился к нам с Костей.

– Слушайте все! – сказал он. – Вот эти два муравья, – старый муравей показал лапой в нашу сторону, – эти два бездельника, не дожидаясь луны, прекратили работу в самый разгар солнечного света!.. Не дожидаясь захода солнца, они перестали работать и легли спать, укрывшись берёзовым листом. Я старый муравей, но я никогда не слышал от старейших муравьёв, чтобы в нашем муравейнике когда-нибудь произошло такое не виданное моими глазами и не слыханное моими ушами преступление.

Толпа грозно загудела.

– Слушайте все! – повторил старый муравей. – Совет Старейших Муравьёв решил приговорить этих двух преступников к смерти!..

Толпа муравьёв загудела одобрительно. Костя Малинин не успел пикнуть, как к нему и ко мне подошло штук десять муравьёв. Не говоря ни слова, они схватили нас с Костей за ноги, перевернули и понесли прочь от муравейника.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Вот что такое мирмики и вот что таков Костя Малинин

Не знаю, чем бы кончилось всё это (я даже боюсь догадываться, чем бы это всё могло кончиться!), если бы сидевший на высоком цветке муравей не закричал:

– Мирмики идут! Мирмики! Мирмики!!! При слове «мирмики» волочившие меня и Костю муравьи как-то странно задрожали с ног до головы и бросили нас на землю. Потом они заметались во все стороны, замахали дрожащими усиками и забавно задрывали ногами. Всё это было похоже на какой-то воинственный танец дикарей. Постукивая друг друга усиками, приподнимаясь на задние лапы, пританцовывая и принимая время от времени страшные, угрожающие позы, муравьи повторяли один за другим то странное и непонятное слово, которое произнёс муравей, сидевший на цветке: «Мирмики! Мирмики!» Затем они, как один, все вместе

упали с задних лап на четвереньки и опрометью бросились в кусты травы, позабыв про нас с Костей. Прошло ещё мгновение, и муравьи все до одного скрылись за стволами травинки. Поляна опустела. Мы остались одни.

* * *

Не знаю отчего, но мне почему-то тоже передалось то самое тревожное настроение, которое охватило всех муравьёв при слове «мирмики».

– Лезь за мной! Только тише... Не шуми, – сказал я Косте Малинину, влезая на близрастущий цветок и оглядывая окрестности.

– Почему тише? – спросил Малинин, карабкаясь следом за мной.

– Так! На всякий случай, – сказал я, не догадываясь о том, что моя предосторожность ровно через минуту спасёт нам с Костей жизнь.

Забравшись на лист, я хотел уже подняться ещё выше, как вдруг заметил внизу, под нами, чёрного хромого муравья и всех остальных наших «носильщиков». Они вышли из густой травы, как-то странно пятясь спинами. Рассыпавшись цепочкой, остановились. Свесив головы с листка, мы с Костей стали молча наблюдать за странным поведением чёрных муравьёв. Они стояли не шевелясь, словно солдаты, приготовившиеся к бою, и в эту минуту из травяного леска выползло штук пятнадцать здоровенных муравьёв красно-рыжего цвета. Выползли и тоже остановились.

То, что произошло дальше, походило на коротенький киножурнал про войну.

Рыжие муравьи, как собаки, бросились на чёрных, щёлкая своими огромными челюстями, как щипцами. Не успел я моргнуть, как по земле покатались, словно мячики, головы чёрных муравьёв. Из всех черноголовых солдат уцелел только один хромоногий. Видно, это был самый опытный и бывалый солдат, так ловко отбивался он от нападающих на него двух рыжих муравьёв. Одному из них он даже успел вцепиться в усики, и тот от боли закрутился волчком по земле, но в это время ещё двое рыжих подоспели к своим на помощь и, схватив хромого за задние лапы, растянули его на земле.

Чёрный встряхнулся, но тут ещё один рыжий мирмик прыгнул ему на спину, и с чёрными муравьями всё было кончено.

Рыжие с победоносным видом огляделись по сторонам, пошевелили усиками и стали молча счищать пыль с боков и приводить себя в порядок.

Я отполз от края листка, чувствуя, как инстинкт, тот самый инстинкт, который мы недавно преодолели с Костей Малининым, начинает снова пробуждаться во мне и не только начинает пробуждаться, но, кажется, посылает меня в бой на помощь нашим черноголовым муравьям. Ещё секунда, и я бы непременно спрыгнул с цветка прямо на спины рыжим мирмикам, но я не спрыгнул с цветка, я взял и, как в прошлый раз, преодолел в себе инстинкт, потому что это было с его стороны явной глупостью – посылать меня одного в бой против целого отряда мир-миков. И потом я твёрдо знал, если я нападу на рыжеголовых, то инстинкт заставит, конечно, и Костю ввязаться в драку, а уж где-где, но в драке с мирми-ками Малинину несдобровать, это определённо.

Пока я мысленно боролся с инстинктом, мирми-ки успели скрыться в зарослях травы, и поляна снова опустела. Стараясь не шуметь, мы с Костей на цыпочках быстро вскарабкались на самую верхушку цветка и чуть не ахнули.

Оказывается, рыжие муравьи к этому времени успели окружить муравейник со всех сторон. На полянах и в траве уже кипело самое настоящее ожесточённое сражение.

– Война, Малинин! – сказал я.

– Война, Баранкин! – сказал Костя Малинин. Хотя рыжих солдат на поле боя было гораздо меньше, зато они были крепче, сильнее и гораздо опытнее чёрных муравьёв. Медленно, шаг за шагом, они теснили чёрных муравьёв, отступавших к муравейнику. Поляны, взятые с бою рыжими мирмиками, были все усеяны чёрными трупами. Они лежали на земле в самых разнообразных позах. Раненые вздрагивали ногами, слабо шевелили челюстями.

– Гады! – закричал вдруг Малинин, поднимаясь на задние лапы. – Вот гады! Маленьких бьют!

* * *

Я схватил Малинина на всякий случай за лапу и оттащил от края наблюдательного пункта.

А бой тем временем разгорался всё сильнее и сильнее. Дерущиеся хватали друг друга за ноги, делали подножку, откусывали усики и вцеплялись в горло мёртвой бульдожьей хваткой.

– Вперёд, чернопузые! Не робей! Бей рыжих! – орал Костя, вырываясь у меня из рук.

А чернопузые были действительно молодцы. Они как-то очень быстро сумели приноровиться к мирмикам и дрались теперь, как львы, используя своё численное превосходство. Впятером или вшестером они дружно бросались на рыжего великана, за ноги и за усики растягивали его на земле и приканчивали.

– Так их! Так их! – заорал я во всё горло.

– Вперёд, чернопузые! – закричал Костя.

– Ура! – закричали мы вместе с Костей.

Рыжие дрогнули и стали отступать.

Я заложил лапу в рот и оглушительно свистнул. Костя запрыгал от радости по цветку, закружился и вдруг остановился как вкопанный.

– Смотри! – сказал он, глядя в противоположную от муравейника сторону.

Я взглянул вниз и увидел вдалеке за холмом большущий отряд мирмиков, спешивших к своим на помощь. И это в ту минуту, когда чёрные заставили отступить рыжих по всему фронту. Если эта армия рыжеголовых подспеет на помощь, черным несдобровать. Нам с Костей тоже несдобровать: мы ведь с ним тоже чёрные муравьи. Кругом война, а мы расселись, как в кино, и смотрим. Если бы сейчас я и Костя были людьми, а не мурашами, мы бы могли черным помочь как полагается, а так – что от нас толку! А может быть, и так будет толк? Если сейчас взять на себя командование чёрными мурашами, сразу может получиться другая картина. Конечно, они нас хотели с Костей казнить, ну да ладно! Это они не со зла, а за дело. Вообще-то они хорошие ребята! И дерутся здорово, только очень уж как-то инстинктивно, не соображают, что к чему, и главнокомандующего у них нет, каждый сам за себя, а если бы им сейчас командира, вот тогда бы они показали этим рыжим мирмикам, где раки зимуют! А что, если нам действительно взять командование на себя? Я – главнокомандующий, Костя – начальник моего штаба. Да нет, Костя Малинин наверняка испугается – какой из него начальник штаба! Нет уж, лучше поскорее превратиться в людей, превратиться и отогнать этих рыжеголовых от муравейника.

– Малинин! – скомандовал я, не отрывая глаз от сражения. – Повторяй, Малинин!..

*Я хочу навеки
Быть Человеком!
Ни ночью, ни днём
Не хочу быть муравьём!*

– Баранкин, за мной! Смерть мирмикам! – услышал я за спиной отчаянный крик Кости Малинина.

Я обернулся, но было уже поздно. Со словами: «Баранкин, за мной! Смерть мирмикам!» – Костя спрыгнул с цветка и, подхватив на бегу с земли сучок-дубинку, ринулся наперерез отряду рыжих муравьёв-разбойников на соединение с чёрными мурашами!

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ **Мы попадаем в окружение**

«Инстинкт! – мелькнуло у меня в голове. – Неужели в Косте Малинине заговорил инстинкт, и не только заговорил, но и погнал его на войну? Нет! Я слишком хорошо знал Костю Малинина, чтобы так подумать. Костя в жизни был не очень-то смелый, и никакой инстинкт не

мог заставить его ввязаться в драку. Просто на этот раз в Косте заговорил ЧЕЛО-ВЕК, ведь в каждом же человеке должен заговорить человек, если на его глазах большие начинают несправедливо обижать маленьких, да ещё таких симпатичных и настоящих работяг, какими были чернопузые мураши. Да! В Косте заговорил ЧЕ-ЛО-ВЕК! Ну, Малинин! Молодец Малинин! Взял и на расстоянии услышал мои мысли и ринулся в самую гущу боя на выручку черным мурашам. Ни секунды не раздумывая, я тоже спрыгнул с цветка и сломя голову помчался за Малининым вдогонку, вниз по склону горы. С горы было хорошо видно, как большущий отряд рыжеголовых стал заходить в тыл черным муравьям. Надо было во что бы то ни стало предупредить об этом НАШИХ, но Малинин, вместо того чтобы идти на соединение с чёрными муравьями, вдруг яростно рванулся влево и помчался один прямо навстречу наступающим по всему фронту мирмикам.

– Костя! – орал я на бегу. – Малинин! Подожди! Не в ту сторону наступаешь! Куда ты? Убьют! Костя! Остановись!

Но Костя Малинин на мои крики не обращал никакого внимания.

– Вперёд! На врага! Бей фашистов! – визжал он, размахивая дубинкой и прибавляя ходу. Он мчался вскачь каким-то лошадиным галопом, оставляя за собой целые облака пыли.

Отряд мирмиков, заметив несущегося им наперерез чёрного муравья, сразу же изменил направление движения. Перестроившись на ходу, мирмики о чём-то быстро посовещались между собой и помчались навстречу Косте Малинину. Сейчас они сшибутся, и голова Малинина, отрубленная страшной челюстью, покатится по траве... Охватив полукольцом несущегося им навстречу Малинина, мирмики тем самым совершенно отрезали нас от своих.

* * *

Теперь все решала скорость. В три тигриных прыжка я нагнал Костю, схватил его за задние лапы и поволок прочь за холм, к маленькому ручейку. Переправившись через бушующий поток на берёзовом листке, я стащил Малинина за ноги на берег и спрятал в траве в то самое время, когда на противоположный берег высыпали преследующие нас рыжие муравьи. Для большей безопасности я оттащил Костю поглубже в лес и стряхнул его со спины на землю.

Костя Малинин продолжал сидеть с очумелым видом на траве, глаза у него были выпучены так, будто он всё еще продолжал мысленно мчаться навстречу мирмикам.

– Эх ты, вояка! – сказал я, с трудом вырывая из Костиных лап сучок-дубинку. – Сейчас как тресну тебя по башке, чтобы ты в другой раз не лез куда не надо! Надо было идти на соединение с нашими, а ты... Эх, Малинин!..

Я бы, наверное, и вправду вlepил Косте оплеуху, если бы в чаще травы в эту минуту не мелькнула спина рыжего мирмика. Я повернул голову. Из кустов высунулась рыжая морда и зверски пошевелила огромными челюстями. Справа и слева тоже показались рыжие муравьи... Вот тебе раз! Значит, им тоже удалось перебраться через ручей, и не только перебраться, но и окружить нас с Костей со всех сторон.

– Лезь на цветок! – тихо шепнул я Малинину. – Моментально сосредоточивайся и немедленно превращайся в человека!

– А ты?

– Я буду прикрывать твой отход. Сам видишь, в какое положение попали. Лезь!

Костя шмыгнул по стеблю вверх, я – за ним. Мирмики услышали шорох и задрали вверх морды. Один из них, чтобы лучше видеть, встал на задние лапы.

– Лезь выше, – шепнул я Косте, – заметили, гады! Лезь на самый цветок и там скорее превращайся...

Пока Малинин карабкался на верхушку цветка, мирмики окружили стебель и стали молча один за другим подниматься вслед за нами.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Десять больших на двух маленьких и паутинка-самолёт

– Эх, вы! – крикнул я, свешиваясь с листика. – Десять больших на двух маленьких... Не стыдно?

В полном молчании мирмики продолжали подниматься по стеблю все выше и выше. На расстоянии двух-трёх сантиметров от меня они остановились и заскрежетали челюстями. «Интересно! Успеет превратиться Малинин в человека или нет? – подумал я, перехватывая дубинку из одной лапы в другую. – А ничего он без меня и не сумеет и не успеет...»

– Ты, рыжий, – крикнул я самому здоровому мирмику, – давай один на один! Я тебя вызываю!

Рыжий верзила, не говоря ни слова, сделал шаг вперёд и раздвинул челюсти. Я размахнулся и изо всех сил двинул его сучком по башке. Мирмик покачнулся и, не издав ни звука, молча свалился на землю. Место сбитого моментально без шума заняли двое рыжих муравьёв.

Я уже приготовился их хорошенечко встретить, вдруг слышу – сверху раздаётся голос Малинина:

– Юрка! Осторожней! Третий мирмик тебе со спины заползает...

Взобравшись на лист, я тремя ударами сбил трёх мирмиков со стебля и крикнул:

– Малинин! Ты почему не превращаешься в человека, почему не выполняешь моего приказа?

– А я без тебя всё равно не буду ни в кого превращаться! – зашипел сверху Костин голос.

– Нет, будешь! – заорал я, отбиваясь от нападающих на меня мирмиков и влезая на самый венчик цветка.

Все! Дальше ползти было некуда. Внизу, под нами, были мирмики, вверху – небо, посередине – мы с Костей Малининым.

– Это почему же ты не будешь превращаться? – заорал я на Малинина, но в это время из-за лепестка показалась рыжая голова и свирепо завращала глазами. – Малинин, превращайся сейчас же! – Я ударил мирмика палкой по черепу.

Мирмик скрылся.

– Если превращаться, так вместе! – сказал Малинин.

Из пропасти с другой стороны опять вылезла голова мирмика.

– Вместе не успеем! – Я кольнул муравья сучком, словно шпагой. Муравей спрятался.

– А один я не буду! – сказал Малинин. Я размахнулся изо всех сил, чертыхнулся и съездил высунувшегося мирмика с такой силой, что сучок переломился. Мирмик полетел на землю, а у меня вместо грозной дубинки остался в руках какой-то жалкий обломок.

Мы отступили с Костей к самой середине ромашки. Защищаться больше было нечем, и мирмики словно догадались об этом. Четыре рыжие головы одновременно высунулись с разных сторон. Мы с Костей обнялись.

– Пропали! – сказал Малинин. – Прощай, Баранкин!

Я даже не стал успокаивать своего лучшего друга, потому что всё было похоже на то, что мы с Костей Малининым действительно пропали. Внизу были мирмики, вверху – небо, между мирмиками и небом – мы с Костей. Хоть бы перескочить на соседний цветок, да не допрыгнешь – далеко... Ещё можно спрыгнуть с цветка на землю, но мирмики, кишевшие в траве, только этого и ждали. А ведь столько раз нам с Костей удавалось избегать смертельной опасности, можно сказать, чудом, но ведь удавалось! Неужели на этот раз я не найду выхода из положения, неужели нам с Костей суждено погибнуть так глупо вот здесь, на цветке ромашки, в нескольких шагах от настоящей человеческой жизни? Неужели ВСЕ, ВСЁ, что мы узнали, пережили и перечувствовали, пропадёт зря?!

– Держись, Малинин! Сейчас мы покажем этим мирмикам, как погибают настоящие ребята!

Я поднялся на задние лапы, чтобы встретить как полагается этих мирмиков – и ударился головой о туго натянутую под ветром паутину: она зацепилась за лепесток и болталась над цветком, словно ниточка из волшебного ковра-самолёта.

– Малинин! – заорал я на Костю, и Костя на этот раз понял меня без слов.

Он шмыгнул по паутинке вверх, я – за ним. Осталось только перекусить паутинку... И я её перекусил. И паутинка полетела, полетела в ту минуту, когда четыре мирмика одновременно бросились на нас со всех сторон. Мирмик, целившийся откусить мне голову, только полоснул челюстью вскользь по ноге.

Четыре челюсти, каждая из которых походила на капкан, щёлкнули ещё раз, но было уже поздно. Маленькая ниточка из паутинного ковра-самолёта уносила нас с Костей все дальше и дальше от цветка в сторону муравейника. Я взглянул вниз и не поверил своим глазам: оказывается, пока мы с Малининым отбивались на цветке от численно превосходящих сил рыжих противников, чёрные муравьи успели наголову разгромить мирмиков и вернулись к своим обычным занятиям.

* * *

Война кончилась так же неожиданно, как и началась, и только одни раненые муравьи да носильщики трупов, утаскивавшие убитых подальше от муравейника, напоминали о том, что всего несколько минут назад на этих полянках шло самое ужасное сражение, о котором нам когда-нибудь приходилось слышать с Костей Малининым.

*Ни ночью, ни днём
Не хочу быть муравьём!* – запел я громко, во весь голос.

Я хочу навеки, – подхватил Костя Малинин, –

Быть Человеком!..

И в это время за моей спиной раздался какой-то ужасный свист. Плотная волна воздуха толкнула меня в бок, перевернула вверх тормашками, завертела волчком и сорвала с паутины. Кувыркнувшись несколько раз через голову, я успел заметить, как огромный стриж на всём ходу склевал Костю Малинина и взмыл в небо...

Когда я понял, что-то случилось, мне стало дурно, я потерял сознание и свалился без чувств на землю...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТОЕ «Загробный» голос

Не знаю, сколько времени мне пришлось пролежать без памяти в траве, наверное, очень долго, но, когда память стала постепенно возвращаться ко мне, я все равно продолжал валяться словно без памяти. Я лежал и бредил. Всё, что мы пережили с Костей, все-все в чудовищной непоследовательности снова мелькало перед моими глазами. Я попробовал

открыть глаза, но от этого ничего не изменилось – или вокруг была ночь, или я ослеп... Тогда я стал думать о Косте. Костя погиб, но в моей памяти он был совсем-совсем живой. Моя память, хоть ненадолго, воскресила моего лучшего друга, и от этого мне стало немного легче. И почему только этот проклятый стриж склевал не меня?.. Ведь я же втравил Костю в эту историю, и вот я живой, а Костя погиб, погиб как муравей, не успев даже превратиться в человека! Сначала эта мысль мне показалась правильной, а потом я подумал ещё немного, и эта мысль мне показалась не правильной. Что значит – Костя погиб как муравей, не успев превратиться в человека? Да Костя, в кого бы он ни превращался, он всё равно по отношению ко мне оставался че-ло-ве-ком! И на помощь муравьям Костя бросился как человек! И меня в беде не оставил! И один без меня не захотел ни в кого превращаться! И перед мирмиками не струсил! Да если бы Эрка Кузякина видела своими глазами, как бесстрашно себя вёл Костя Малинин на войне, да она бы ему одному весь номер стенной газеты посвятила, а Алик Новиков, если бы он был муравьиным корреспондентом, да он бы на него всю плёнку исцелкал. Нет, Костя Малинин всё ЭТО время был человеком, и погиб он как человек. И не надо было ему шептать никаких волшебных слов, и не надо было ему желать по-настоящему превратиться в человека, потому что он уже давно превратился! Да! Костя Малинин, безусловно, превратился в человека, а я?.. Конечно, самому о себе мне трудно говорить, и вёл я себя по отношению к Косте Малинину как человек, или нет, мне тяжело самому судить... Может быть, я как был муравьём, так и остался?.. Может быть... Только я тоже, честно говоря, я тоже старался не подгадывать... Мне ведь тоже из-за Кости Малинина мирмики сколько раз голову чуть-чуть не оттапали. Хорошо, что в последний раз ещё промахнулись да вместо головы в лапу вцепились, а лапа до сих пор вон как болит и ноет.

Верхней лапкой я осторожно погладил ту, что прокусили мирмики, и дёрнулся... Нет, нет, на этот раз я не лапкой гладил муравьиную лапку, а рукой, человеческой рукой я гладил ногу, – так мне, во всяком случае, показалось... Тогда я открыл глаза и действительно увидел вместо лапы обыкновенную мальчишескую ногу. Это была моя нога, и только запёкшаяся от крови царапина напоминала о том, что эта нога совсем недавно была муравьиной лапой, и руки у меня были теперь как руки, и голова... И голова на месте...

Чтобы прийти окончательно в себя, я ещё немного полежал в траве, потом немного посидел, а потом встал, отряхнул штаны и, спрятав руки в карманы, как человек зашагал к дому. Я шёл, не глядя по сторонам, уткнувшись глазами в носки ботинок. В голове у меня шумело, всё тело ныло, словно меня всего исколотили палками, а нога, покусанная мирмиками, так саднила, что на неё было больно наступать. Раз пять или шесть я натёкался на каких-то прохожих, которые каждый раз при этом мне говорили: «Под ноги надо смотреть, мальчик!» – как будто бы я смотрел не под ноги, а по сторонам.

Не помню, как я добрался до своего двора, потому что всю дорогу я шёл как во сне и очнулся только тогда, когда налетел животом на калитку.

Не вынимая рук из карманов, я пинком распахнул дверцу, подошёл к скамейке и сел. Во дворе было все по-прежнему. Все так же с акаций то и дело срывались весёлые компании воробьёв, над клумбой порхали бабочки, а по скамейке бегали чёрные муравьи. Всё было на своём месте. Не было только Кости Малинина. Не было и уже не будет больше никогда. Да и самого меня тоже, пожалуй, не было, то есть вообще-то я был, но я был уже совсем какой-то не такой. Я сидел на лавочке сам не свой. Мне всё казалось, что я только что вернулся из какого-то очень-очень далёкого и очень опасного путешествия, в которое я отправился вместе со своим другом Костей

* * *

Малининым много-много лет тому назад. Отправился вместе с Костей, а вернулся один. И теперь уж всю жизнь буду один, совсем один... Я закрыл лицо руками и заревел, заревел первый раз в своей жизни. Слезы бежали по щекам, по рукам, по шее и даже по животу. Сижу, реву, а слезы все бегут и бегут. Я даже удивился: откуда у человека может взяться столько слез? С другой стороны, если человек ни разу в жизни не ревел, то у него за всё время слезы вполне могли накопиться в таком большом количестве.

– Баранкин! Ты это чего разнюнился? – раздался совершенно неожиданно откуда-то сверху голос Кости Малинина.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ Мы существуем!

– Костя, – сказал я, перестав всхлипывать и обливаться слезами. – Это ты?

– Я! – сказал голос Кости Малинина сверху, голос был глухой и далёкий, словно он шёл с неба.

– Ты уже... т-ам?

– Где – т-а-м?..

– Ну где там, на т-о-м свете, что ли?

– На каком на т-о-м свете?.. Я на заборе, а не на том свете, чего это ты городишь?..

– Ну что ты меня, Малинин, обманываешь? Я же сам видел, как тебя съел стриж. А раз он тебя съел, то ты не можешь сидеть на заборе.

– Кого съел стриж? Меня?.. Он тебя съел, а не меня, я своими глазами видел.

– А я тебе говорю, он тебя съел!

– Как же он меня съел, если я живой и невредимый сижу на заборе? Открой глаза и убедишься!

– «Открой»! А если я боюсь?

– Чего ты боишься?

– Я глаза открою, а ты не существуешь, – сказал я и снова пролил целых два ручья слез.

– Хорошо, – сказал сверху голос Кости Малинина, – сейчас ты убедишься, существую я или не существую.

Вверху что-то завозилось, зашебаршило и затем прыгнуло мне на плечи.

Я свалился на землю и открыл глаза. Костя Малинин был жив, никаких сомнений и быть не могло. Он сидел на мне верхом, тузил меня кулаками и приговаривал:

– Ну как, существую я или не существую? Существую или не существую?

– Существуешь! – заорал я, и мы вместе с Костей покатались по траве, устланной жёлтыми листьями. – Костя Малинин из семейства Малиновых существует!!! Уррра!!! Уррра!!!

– Значит, с-у-щ-е-с-т-в-у-е-м?

– С-у-щ-е-с-т-в-у-е-м, значит!

– А как мы с тобой существуем?

– Как люди!

– Как ч-е-л-о-в-е-к-и!

– Урра!!! – крикнули мы на радостях в один голос и снова бросились обнимать друг друга.

– Постой! Постой! – сказал я Косте. – Дай-ка я на тебя посмотрю...

– Да что ты, Юрка! – засмеялся Костя. – Что ты меня раньше не видел, что ли?..

– Не видел! – сказал я. – Раньше я тебя не видел и ты меня тоже по-настоящему не видел... А главное, что я раньше сам себя не видел и ты сам себя не видел...

И мы стали молча смотреть друг на друга. Костя смотрел на меня, а я смотрел на Костю и не просто смотрел, а рассматривал всего, с ног до головы, рассматривал как какое-то потрясающее чудо природы. Некоторое время я, например, тараща глаза, разглядывал Костины руки, покрытые боевыми ссадинами и царапинами. Раньше я, конечно, ни за что бы не обратил внимания ни на свои, ни на чужие руки. Руки и руки... А сейчас я не мог оторвать от них глаз. Вот это да! Это вам не какая-нибудь муравьиная лапка или воробьиное крылышко! Вы тоже никогда не обращали внимания на свои руки? Нет, из ребят, может быть, кто и обращал внимание, а девчонки определённо не обращали, потому что они обычно обращают внимание только на своё лицо.

А голова!.. Я на свою голову тоже раньше не обращал особенного внимания. Голова и голова... Есть на плечах, и ладно! Нахлобучишь кепку – и хорошо! Пофантазируешь – и довольно! А теперь, теперь... После всего-всего, что я пережил, уж я-то точно знал, что если руки человека это чудо, то уж го-ло-ва это самое расчудесное чудо из всех расчудесных чудес. Даже голова Веньки Смирнова это тоже чудо. Только он ещё не знает об этом, а во-вторых, не умеет этим чудом пользоваться. А таких, как Венька, на земном шаре может, наверное, много человек набраться. И в Америке есть свой Венька Смирнов, и во Франции, и в Англии... И везде есть такие ребята, которые ни о чём не думают, и такие, которые думают совсем не о том, о чём надо думать, – такие тоже есть. Например, я и Костя Малинин! Но теперь-то я точно знаю, отчего это все происходит: оттого, что не все ребята знают о том, как это замечательно интересно – думать вообще и особенно думать о том, о чём нужно думать. Думать и соображать! И опять же не как-нибудь, так, инстинктивно, как говорится, по-муравьиному, а по-настоящему думать – по-че-ло-ве-че-ски!!!

Не знаю, сколько бы ещё времени просидели мы с Костей вот так на траве, думая об одном и том же...

Мне Костя, конечно, не говорил, но я готов был дать голову на отсечение, я чувствовал, я слышал, честное слово, слышал, что Костя Малинин думает слово в слово о том же, о чём думаю я, но только в самый разгар наших размышлений с дерева на спину мне прыгнуло что-то пушистое и так вцепилось сквозь рубашку в искусанное муравьями, исклёванное воробьями тело, что я чуть не заорал.

– Муська! – закричал обрадованно Костя Малинин.

Конечно, это была она – наша Муська, та самая Муська, которая два раза хотела меня съесть, когда я ещё был воробьём.

– Ага, Муська! – закричал я, отдирая Муську от своей спины. – Вот я сейчас с тобой за ВСЕ и рассчитаюсь! Муська! – Я хотел схватить её за ухо, но мне помешал это сделать Костя Малинин.

– Ладно, Баранкин! – сказал Костя. – Прости её на радостях, раз уж всё кончилось хорошо!..

И здесь Костя, видно, так снова обрадовался, что всё кончилось так хорошо и даже замечательно, что бросился на меня и стал обнимать изо всех сил. Потом я от радости обнял скамейку, ту самую скамейку, на которой мы сидели ещё т-о-г-д-а, потом я обнял забор, который стоял возле берёзы, а потом мы вместе с Костей обняли берёзу, ту самую берёзу, под которой стояла та самая скамейка, на которой мне первый раз в жизни пришла в голову мысль, что я видите ли, устал быть человеком...

– Я их по всем дворам разыскиваю, а они с деревьями обнимаются! – крикнул Мишка Яковлев с велосипеда, влетая с Аликом неожиданно на своей машине во двор.

Потом за ними показались Зинка Фокина, Эра Кузякина и все остальные.

– Мишка! – крикнули мы с Костей в один голос, набрасываясь на Яковлева с двух сторон и закликая его в свои объятия.

От неожиданности Мишка выпустил руль, и мы свалились на землю. Я и Костя продолжали обнимать и целовать Мишку Яковлева и Алика Новикова.

– Да вы что, ребята? Вы с ума сошли? Мы же вчера только виделись! Ребята! Да что это вы, как девчонки, прямо! – отбивались от нас и Алик и Мишка.

– Алик и Мишка! – сказал Костя Малинин со слезами на глазах, чмокая Яковлева в ухо. – А что здесь без вас было!..

– Что было? Где было? – насторожился Алик.

– Что б-ы-л-о, т-о п-р-о-ш-л-о, – сказал я и так при этом посмотрел на Костю Малинина, что тот прикусил язык.

В это время нас окружили девчонки из нашего класса.

– Их по всему городу ищут, – сказала Эра Кузякина, – а они на траве валяются!..

– Баранкин! – сказала Зина Фокина. – Вы намерены в конце концов заниматься или нет?

– Зиночка! – сказал я. – Зиночка! – повторил я. – Если бы ты знала, Зиночка, к-а-к мы с Костей намерены з-а-н-и-м-а-т-ь-с-я!

– И заниматься и работать! – сказал Костя и взял из рук Эры Кузякиной лопату. А я взял лопату у Зины Фокиной.

– Баранкин! – сказала Эра. – А почему у вас с Костей вид какой-то ненормальный? И поведение тоже... – добавила она.

– Потому что потому!.. – закричал я.

– Ну, пошли, – сказал Мишка, – а то и так сколько времени зря потеряли!..

– Минуточку! – сказал я. – Ребята!.. Я должен вам всем сказать, что ЧЕЛОВЕК – ЭТО ЗВУЧИТ!

– Баранкин! – сказала Эра. – Ты говоришь не правильно! Нужно говорить: «Человек – это звучит гордо!»

– Ладно, Эра! – сказал я. – Мы теперь получше твоего знаем, как звучит че-ло-век! Верно, Малинин?

– Верно, Баранкин!

Мы с Костей обняли Мишку с двух сторон и побежали по лестнице вверх.

На площадке я совершенно неожиданно столкнулся носом к носу с Венькой Смирновым. Помните его? Он ещё стрелял в нас с Костей из рогатки, когда мы были воробьями. А когда были бабочками, то он нам хотел крылья оборвать!.. А когда были муравьями, то он муравейник наш разрушил!..

– Приветик! – сказал Венька, щурясь прыгая сразу через две ступеньки вниз.

Я успел схватить его за рубаху и остановить. – Ты чего? – спросил Венька. – Вот чего! – сказал я, притягивая Веньку к себе и давая ему подзатыльник.

– За что? – спросил, щурясь, Венька.
– Не будешь в другой раз стрелять в меня из рогатки!
– Когда я стрелял в тебя из рогатки? – Когда я сидел вон на той ветке! – Я показал рукой в окно на тот самый тополь, с которого меня и Костю чуть-чуть не сбил Венька из своей катапульты.
– Когда ты сидел на той ветке? Что ты городишь, Баранкин, какую-то чепуху?..
– Чеп-чеп-чепуху, говоришь? А двух воробьёв на тополе помнишь?
Венька сощурился, соображая, как лучше ответить на мой вопрос.
– А это тебе за бабочек! Чтобы ты нам, то есть им, в следующий раз крылья не обрывал!..
А это тебе за муравьёв, чтоб лопатой в муравейник не тыкал...
Я дал Веньке ещё два раза по шее, выхватил из его кармана рогатку с оптическим прицелом, сломал её и бросился догонять Мишку с Костей.
– Баранкин! – донёсся до меня снизу Венькин голос.
– Что тебе?
– А я так ничего и не понял все равно!
– Станешь ч-е-л-о-в-е-к-о-м, тогда в-с-е п-о-й-м-е-ш-ь! – крикнул я, перегнувшись через перила.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ Я хочу навеки быть человеком!

В этот день мы занимались с Яковлевым, наверное, часа четыре подряд. Когда Мишка в самый разгар занятий спросил нас: «Ребята, а вы не устали? Может, хотите отдохнуть?» – мы с Костей в один голос закричали на Мишку: «Нет, нет! Мы не устали! Что ты? Какой ещё там отдых! Ты давай не отлынивай, Яковлев!» – «Я не отлыниваю», – сказал пораженный Мишка и стал объяснять нам следующую задачу, потом он повторил с нами пройденное, потом объяснил ещё одну задачу, потом устроил нам с Костей небольшой экзамен, потом он положил голову на стол и сказал хриплым шёпотом, что больше он с нами заниматься не может, потому что он уже сорвал голос и вообще совершенно выбился из сил.

Тогда мы взяли лопаты и пошли с Мишкой в сад сажать деревья. Физический труд – лучший отдых после умственного напряжения.

Когда мы выбежали во двор, то увидели Алика. Он всё это время сидел на лавочке и караулил, чтобы мы не сбежали. Вот чудак! Узнав, что мы добровольно идём работать в сад, он вытаращил глаза и побежал следом за нами, щёлкая на ходу фотоаппаратом. В саду нам сажать ничего не пришлось – все деревья были посажены. Тогда мы стали их поливать, а Алик опять всё время тарачил на нас глаза и щёлкал фотоаппаратом. Потом мы вернулись опять ко мне домой и занимались до тех пор, пока и Мишка и Костя не устали окончательно.

Когда Яковлев и Малинин разошлись по домам, я всё ещё продолжал сидеть над учебниками и заниматься самостоятельно. Самостоятельно я занимался до тех пор, пока не заснул за столом. Как я очутился в постели, я не помню, наверное, в постель меня перенёс отец. Зато проснулся я на следующее утро сам, и так рано, что все ещё спали. Я с-а-м застелил аккуратно постель, тихо позавтракал, собрал учебники, на цыпочках вышел из дома и побежал в школу. Сегодня я должен был, я был о-б-я-з-а-н прийти с-е-г-о-д-н-я в школу самым п-е-р-в-ы-м!

Так я и сделал. Я явился в школу тогда, когда все мои одноклассники ещё крепко спали в постелях – и Зинка Фокина, и Миша Яковлев, и Алик Новиков, и Костя Малинин, – ну, этот-то, наверное, спит без задних ног! Один я из всего класса не спал. И не только не спал, а уже был в школе часа за два до начала занятий. Так рано, вероятно, ещё ни один ученик в жизни не приходил в школу. Каково же было моё удивление, когда я увидел, что по противоположной дорожке к школьному крыльцу за кустами сирени тоже крадётся чья-то фигура. Я остановился. Фигура тоже остановилась. Я сделал три шага к школе, и фигура тоже сделала три шага. Я стал подкрадываться к входной лестнице, и фигура стала подкрадываться. Я высунулся из-за куста, фигура тоже высунула свою физиономию. Мы долго молча смотрели друг на друга, наконец мне надоело молчать.

– Малинин! – сказал я.
– Ну?
– Ты чего это так рано появился в школу?
– А ты?
– Я т-а-к п-р-о-с-т-о... А ты?
– И я т-а-к п-р-о-с-т-о...
– Понятно! – сказали мы вместе.

Тихо, стараясь не шуметь, мы с Костей поднялись одновременно по каменной лестнице и приникли лицами к холодному и мокрому от росы дверному стеклу и стали молча ждать, когда нас пустят в н-а-ш-у ш-к-о-л-у.

Мы стояли молча, не глядя друг на друга, стояли и просто ждали, даже не подозревая, что ровно через два часа начнутся такие удивительные события, события, которые потрясут не только весь наш класс, но и всю школу...

Во-первых. Ровно через два часа и десять минут меня вызовет к доске Нина Николаевна, и я буду ей рассказывать всё, что я знаю о жизни бабочек. И Нина Николаевна мне скажет: «Юра Баранкин! Жизнь бабочек ты знаешь очень хорошо. Садись! Молодец! Когда ты отвечал, мне даже показалось, что у тебя за спиной выросли крылья!..» После этих слов весь класс так и покатится от смеха, и только мы с Ко-стей не улыбнёмся и будем сидеть за партой серьёз-ные-пресерьёзные.

Во-вторых. Через два дня мы с Малининым Костей исправим по геометрии двойки на четвёрки.

В-третьих. Через три дня Зинка Фокина заявит во всеуслышание, что будто бы мы с Костей, по её мнению, заболели какой-то загадочной болезнью и что это у нас, вероятно, скоро пройдёт.

В-четвёртых. Ещё через несколько дней Зинка Фокина вдруг почему-то перестанет при каждом удобном случае говорить мне: «Баранкин, будь человеком!»

В-пятых. Дней через пятнадцать мой отец будет, как всегда, проверять мой дневник, и первый раз за всю жизнь он при этом ничего мне не скажет и только удивлённо пожмёт плечами и молча переглянется с мамой.

В-шестых. Ровно через месяц директор нашей школы Василий Васильевич Туркин...

Впрочем, об этом, пожалуй, говорить ещё рано, ведь это случится через месяц, а сейчас ещё прошло только десять минут, всего десять минут, как мы стоим с Костей на школьном крыльце, просто стоим и ждём, когда же наконец-то откроется дверь и нас пустят в школу, в н-а-ш-у ш-к-о-л-у.

